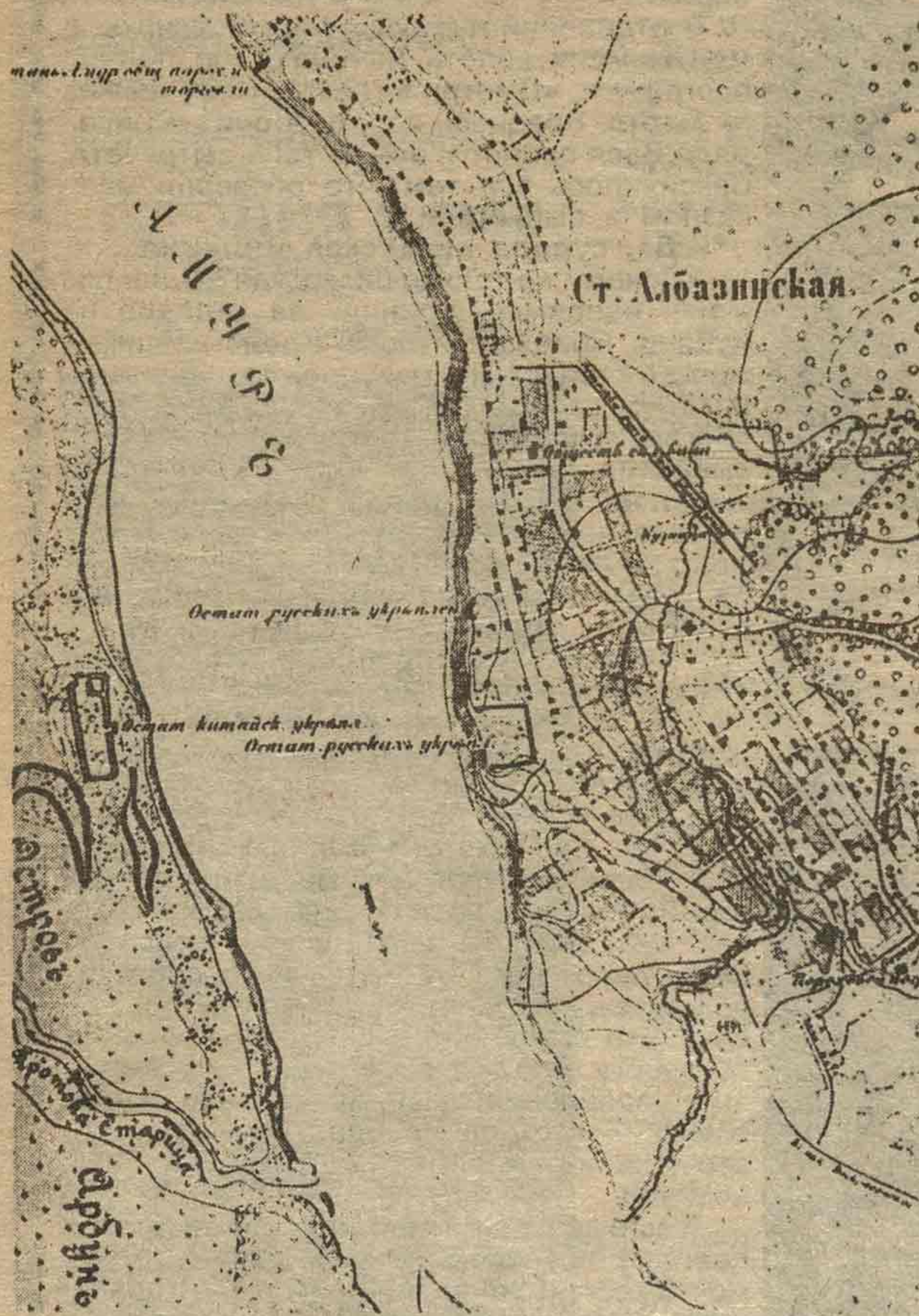

► Борис ЧЕРНЫХ

РУССКИЙ БЕРЕГ

Из путевых тетрадей. Публикация четвертая

ский человек, не мешало бы заузить», - но царский режим не сумел надеть узду на Дмитрия.

В ряду подвигов самоценных дед мой свершил и сомнительные. Дважды он приходил из рейнского подвала простоволосый и без ичигов, ибо спускал в карты не только боярку с плеча. Следом шли кредиторы, разумеется, чужие, не албазинские. Дмитрий отвязывал племенного

быка, на последнем кону проигранного. Мария, жена (в девичестве Сурикова), бабка моя, - плакала, но отступала перед грозой, но отступала на заготовленные рубежи. Потому что дальняя и ближняя родня, видя гибельный разворот событий, шла на очную ставку с хмельным Дмитрием, вязала его вожжами, а станичный атаман приговаривал героя к холодной (нагайкой отстегать георгиевского кавалера считалось неприличным). Дмитрий опоминился, призывал Марию, просил рассказать «всю правду». И горевал, не умея повиниться перед любимой, перед родными. Должно бы в церковь пойти с покаянием. Но у Дмитрия Черных были счеты с батюшкой Януарием. Оказывается, Януарий во время исповеди стал просить у Дмитрия Черных заимку, которую тот держал под паром. Кошунственное поведение батюшки Дмитрий осудил немедленно и категорично и в знак протеста перестал посещать церковь. Молился дома. Поп молчал яко согрешивший, да и дед мой молчал. А станица что же? - станица разгадывала секрет таинственного поведения священника и прихожанина, но не разгадала. Маменька однажды близко подошла к порогу семейной тайны, но только старший брат мой, состарившись, рассказал удивительную историю про дедовы домашние молитвы.

Отпущенный из холодной, Дмитрий впрягался в работу. Тут опять - край. Дмитрий был неистов и здесь, и мог бы запалить моего отца на пашне или на лесоповале. И запалил бы, кабы Ваня не был единственным сы-

ном, да к тому же необычайно смысленным. Но и себя Дмитрий умел уберечь от надсады. Он вроде догадывался, что надо оставить силы напоследок. Зато 17 марта, в День Божьего человека Алексия - общевойсковой праздник на Амуре - на скачках дед не желал быть вторым призером, он выигрывал первый приз, мстя за проигрыш в кабаке. Кому мстил? - Себе. И ходил любимцем по Албазину, пил сливан (соленый чай), убегал на охоту, приносил на плече косулю. По всеобщему признанию, старший брат мой Геннадий унаследовал дедов характер, пороки его и достоинства, был храбрым на двух войнах, буйствовал иногда в миру, ныне, завершая судьбу в Молдавии, под опекой дочери-космополитки, страждет за Россию. Я думаю - свести бы их вместе за чаркой, где удержу они не знали. Кстати, воинские их награды теперь передо мной, скоро я передам их сыну Мите, младшему моему. Митя назван в честь прадеда...

Едва Советы окопались на Амуре - пошли циркуляры из центра, один нелепее другого, Дмитрий сел в лодку, предварительно потискав внуков, и ушел в Китай. Ушел, зная, как ответить на угрозы. Он стал выходить на берег реки почти ежедневно и луженой гортанью кричать:

- Братцы, кому служите?! За красную тряпку служите!.. - вода несла песню протеста к русскому берегу. Песня Дмитрия усаждала сердца станичников. Скоро поднаторевшие чекисты заслали к Дмитрию двух сбитых с понтальку албазинцев, те изрядно гульнули с протестантом и усыпили бдительность, стали рассказывать о внуках, да все посмеивались. Получалось, режим не столько безобразный, сколько несерьезный. А тут ночь - теплая, парная. На лодке полчаса ходу туда и полчаса обратно. Обнять родных, вдохнуть запах маленьких внуков. Эх, Дмитрий, Дмитрий... Как ляхи вязали Тараса Бульбу, так Дмитрия осадил взвод бойцов, и старый казак бился в слезы, положил пятерых, но петле враги захлестнули кряжистые ноги и поволокли на заставу...

Был ли одинок Дмитрий Черных в протесте? И почему он не ушел вместе с атаманом Григорием Семеновым, когда тот уводил в Харбин остатки добровольцев? Или в ту пору Дмитрий еще не созрел? Еще не был готов понять, что наступают времена беспробудные? Нет, Дмитрий, равно и второй мой дед - Василий, сразу и безоговорочно встали на ту сторону, которой присягали в юности. Доказательства я нашел в Амурском государственном архиве. Там между прочими документами хранятся докладные (1918-1920) станичных ата-

манов войсковому начальству. В докладных едва ли не по каждой станице приведены списки казаков, вставших против красных смутьянов с оружием в руках. В албазинском списке я нашел имя и Дмитрия Лаврентьевича Черных. Но большевики победили, и новая власть вместо того, чтобы пойти на умиротворяющие шаги (казачьи заставы остаются, заимки остаются, живите вольно, присягнув так сказать трудовому народу), - новая власть закусила удила.

Уместно сказать, какую роковую роль сыграли государственные архивы в репрессиях задолго до коллективизации. Чекисты поимели возможность получать готовый компромат на весь русский берег. Станичные-то писари вывели каллиграфическим почерком имена и звания героев, и на меловой бумаге. Я читал эти докладные, многократно почерканные разноцветными карандашами: черным, синим, красным - смертное дыхание дошло до меня через полувековую даль.

Наверное, казаки поднялись бы на рубеже 30-го года, но оружие у казаков власть подсобрала до последней шашки, и духом пали казаки. А нравственных поводырей, священников, вывели к расстрельным ямам первыми, теперь мы знаем, какой удар нанесли атеисты по церкви. Храмы же разбили или приспособили под клуб, как в Толбузине, под МТС, как в Черняеве, сожгли, как в Кузнецове, под пограничную заставу отдали, как в Кумаре, и т. д. Казачье самоуправление, удивительно по жизнестойкости и мудрости, при всех издержках его, - захватчики стерли с лица амурской земли, а ранее стерли и в иных казачьих землях. Началась неволя.

Крестьяне, испокон привыкшие к помещику и его домашнему произволу, легче приняли кабалу большевиков, чем казаки. Уйти с заимок - вот что было особенно тяжело. Отдать мельницы в чужие руки и остаться без своего хлеба тоже потрясение. Верховых лошадей, с мальчишеского возраста пестуемых казаками, превратить в обозных - от этой картины можно заболеть, и дед Василий, тот действительно заболел и умер скоропостижно.

Говорят, в начале тридцатых годов голод посетил Украину, никогда не знавшую голода. И на Амур пришел голод, это тоже удивительно, хотя бы потому, что рыба в реке шла косяками.

Черняево живет старуха, виз убежденных большевичек, она потому и заинтересовала нас - истовым бескорытием. Глядя свято в лица наши, она неожиданно призналась в том, как в 1933 году голод посетил Черняево. Богатейшая станица, с крепкими хозяйства-

ми, торговавшая с Китаем, вдруг оказалась за гранью существования. Напомню из Грум-Гржимайло о мощи Черняевской станицы в 1893 году: «Экономический магазин, питейное заведение, мелочная лавка, 10 конно-канатных мельниц (перед 1-й мировой войной и могучая паровая мельница. - Б. Ч.), телеграфная и почтовая станции. Лошадей 470, рогатого скота 340 голов, свиней 145 (на 50 дворов!)... - притом тогда белуга и кета поднимались не только до Черняево, но и выше. Таймень водился повсеместно. И вот те на! Может, эпидемия потрясла русский берег? Да, эпидемия по имени колхозный режим и государственная обираловка.

С прискорбием смотрел я на подворье единственного ныне в Черняеве скорняка Луки Раздобреева, ичиги, лучшую обувь в станицах он выделяет теперь от случая к случаю. А ранее мастера-кожевники вывозили продукцию далеко за пределы Черняевского станичного округа. Почему пало древнее ремесло? Налоги душат край, ранее не знавший обложений.

Удивительный романтик Георгий Николаевич Шохирев, уроженец Черняево, когда попытался поднять из праха Амурское казачье войско, при встрече (а встреча произошла в Албазине, куда Шохирев прибыл в папаше и с дедовскими крестами на груди) сказал мне: «Шохиревых выкашивали подряд, мы уцелели. Но страх так и остался в людях. Будто не казаки, а холопы. Что делать со страхом?» - но сам Шохирев успел вселить в добрую часть казачьих потомков уверенность, что есть возвратная дорога к здравому смыслу. Но в 1994 году, надсадившись, Георгий Шохирев скоропостижно умер. Ему были оказаны последние почести, как первому войсковому атаману после разгрома казачества. Мы нынче гостевали у его отца, потом - у Юрия Владимировича Козюкова, наказного атамана, и говорили с черняевцами, где придется - там и говорили. В умах все еще остается путаница: возвратная дорога - но куда? И чья власть будет не только в Черняеве, но и по всему берегу, а также в Благовещенске? - Юрий Козюков, верный дружбе с Шохиревым, считает, что нового не надо выдумывать, надо вернуться к прежнему укладу. Не село - станица! Не советская власть - станичное правление с атаманом во главе. Иногородцы пусть подчинятся местным традициям. Что делать с совхозом? - Оставить для тех, кто не мыслит себя на заимке. Все так, но где взять технику для заимок и личных подворий? Где лошадей найти, уничтоженных веком? - Китайцы посмеялись бы поди нашим опасениям и вздохам, китайцы взяли бы

в руки мотыги и через пять лет восстановили бы утраченные навыки на земле. Больше того, они превзошли бы прежние, коммуно-колхозные, показатели.

Я вижу, как они работают вдоль всего берега. Там, где русские ждут трелевочные трактора или соляр, там, возложив на плечи палки, двое впереди, двое сзади, они несут бревно по трапу на баржу, а следом другая четверка проворно идет. Там, где наши катера и баржи стоят по ночам (путицы не выставляют бакены), китайцы идут и по ночам, зная, что каждый час дорог летом. Или горят и дымят вдоль пахотных полос костры - китайцы боятся августовских заморозков или иней ядовитого, берега поля. На нашем берегу ни одного дыма, будто на другой планете поля русские...

Совсем опечалило посещение села Кузнецово. Мы обошли там около ста дворов. Антисанитария в домах, хотя дворы относительно прибраны. Испитые лица женщин. Огромные запущенные фермы. А между тем много общественных зданий из белого кирпича - строили беспорядочно, когда давали кредиты. Зброшенные усадьбы с новыми стенами.

На 349-347 километрах от Благовещенска величественное явление горящих скал. На навигационной карте они названы «Горящие горы». Известняки теплятся. Надо бы полюбоваться и отвлечь себя от горестных размышлений, но и здесь я думал - природа укрывает теплым пологом берег, а люди ленятся.

Зато в Нововоскресеновке радость - отсюда два талантливых мальчика поступили в художественное педагогическое училище, об этом с гордостью рассказала директор школы Людмила Васильевна Якушева. Вообще школа не остается вне поля нашего зрения. Но на дворе каникулы, мы ищем учителей и пытаемся разведать настроение. Тоскуют по пионерскому ритуалу. Спрашивается - зачем деревне идеологическое настырство чуждого ритуала? Ответ - проще жить по росписи и уставу.

А Нововоскресеновка вообще-то была сугубо крестьянским селом, здесь жили выходцы из Астраханской, Воронежской, Томской областей, переселившиеся в 1870 году. Здесь тоже колючая проволока на берегу и в тылу тоже, в километре от села. Алексея Егоровича Падалко, нашего эколога, поразило явление болезней - болны и почвы, и животные. На почве грибковое заболевание, а у скота туберкулез. Падеж в 500 голов. Отменено страхование крупного рогатого скота. Погибает корова - ни хозяйство (если животное с общественной фирмы), ни частное лицо не получают ни копейки. Но сумели отменить и добровольное страхование.

На строительстве школы в найме китайцы, они исподволь спаивают деревенских, т.к. у них неограниченный запас ханьшина, они выменивают на ханьшин все, что плохо лежит. С фермы пропала половина фляг - оказались у китайцев. Штрафы не помогают (а китайцев по формальным причинам невозможно вообще оштрафовать, и работают они в отли-

чие от наших, как муравьи, сзари до зари).

Записал встречу с Николаем Иннокентьевичем Зайцевым. Участковый милиционер в 1937 году стал защищать мужиков при аресте их пограничниками. Фамилия у милиционера сказочная - Грим (одно, правда, «м»). Пограничники приказали: «Снимай наган и садись сам», - Грим снял наган и сел в баню вместе с мужиками. А взяли 58 человек. Утром погрузили на баржу. Вернулось 10 или 12 человек, среди них отец Зайцева, но с высылкой аж за 100-километровую полосу за Иркутск. Надо же придумать! Когда моих односельцев, москвичей, освобождали с политзоны - им предписывали тоже 100-километровое отчуждение от столицы. А тут - три тысячи верст от деревни - в Сибирь, а и там - полоса. Что «вменили» отцу? Падеж коней, но коней, говорит Н. Зайцев, вообще не было. Сухой и калеченый, отец умер недавно, с четырьмя выбитыми ребрами... И мы оказались первыми, кто не погнушался выслушать до конца исповедь Николая Иннокентьевича и записать ее. Теперь, рассказав нам потрясение и проводив катер, он будет выходить к берегу и подолгу смотреть сквозь вязь колючей проволоки на Амур и думать о смысле жизни. Почему оппозиция под красными знаменами не вспоминает Зайцевых (их миллионы в России)? А предпочитает говорить о сытой жизни в 70-е годы? Но сытой жизни не было, была сносная жизнь, при отсутствии каких-либо гарантий, что завтра не придут и, отперев калитку в колючей проволоке, погонят на баржу. А т.н. писатели и журналисты, создавая эпохальные книги типа «Стоят на Амуре русские села» или «Амур - река подвигов» - спят спокойно.. Что им Зайцевы? Что им эта запретная полоса вдоль великой реки... И что им этот тихий поступок милиционера Грима, достойный поэмы. Зато они сочиняют поэмы протеста против новой эпохи. Подменили суть. Не всем хорошо время. Но мы уходим туда, где не будет насилия. Тяжела дорога? Еще бы. Дорога в колдобинах. Да другой дороги нет...

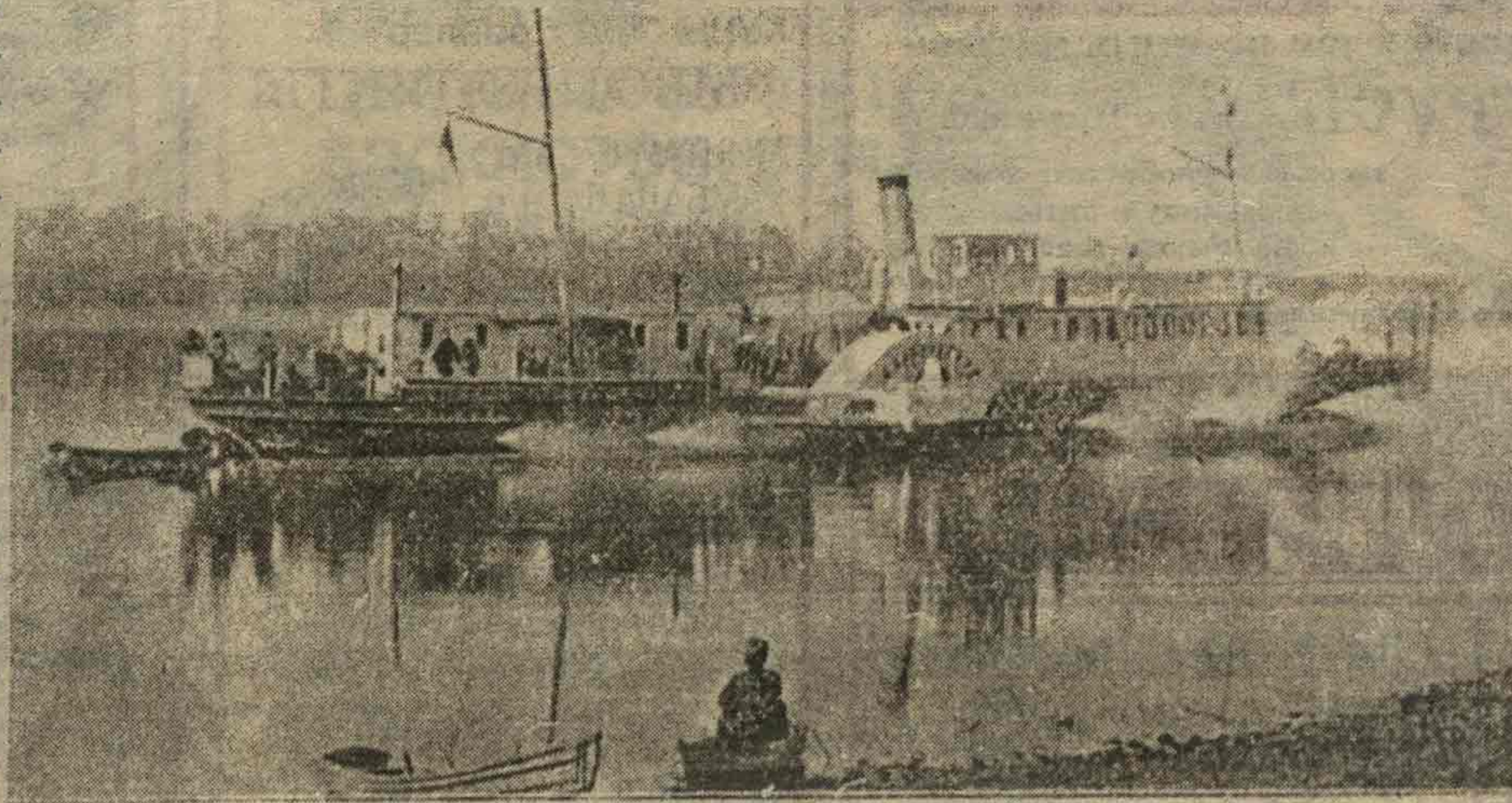
ВУшакове - опять под портретом Ленина - сидит начальник. Смотрю в его лицо, а вижу Зайцева. Начальник говорит что-то, а я слышу, как отцу ломали ребра на допросах. Крестьянину, из крепостных воронежских. Ушли от помещика на вольное землепашество. И что получили?..

Но зря я не слышу Николая Анатольевича Голобородкина. Ему 33 года, выпускник экономического факультета Благовещенского сельскохозяйственного института. В нем есть истовость человека, понявшего, что жили не так, не по совести жили. История борьбы с директором совхоза, зарвавшимся чиновником. Голобородкин, избранный главой сельской администрации (а не назначенный), посчи-

тал невозможным уступить пяди в этой борьбе, когда село поднялось - а он бы спрятал голову в кусты. Сюжет архиактуальный. Вслушавшись в речь Голобородкина, сидящего под портретом Ленина, я понял, что вот и в Албазине похожая история, но там председатель сельсовета не сдавал позиций главе сельской администрации (а прав был глава)... Я попросил у Голобородкина отчетные документы. Он помялся и дал на день, предварительно посмотрев мое удостоверение руководителя Амурской экспедиции. Оно у меня, сие удостоверение, странное. В мягкой кожаной обложке книжка внешне вполне респектабельная. Открываешь книжку. Левая сторона, сверху написано «Верховный Совет РСФСР», а внизу мои данные и печать журнала «Родина», но по ободу печати опять Верховный Совет. А слева мое фото, пришипленное другой печатью - по ободу «Издание ЦК КПСС», а внутри обода «Журнал «Родина». Попробуй

угрозу, ибо Пасюк глава районной администрации, милиция у него в подчинении. Голобородкин не поддастся угрозе...

Хотите послушать, о чем и как говорил вожак с народом в глухой деревне? Слушайте, но предварительно - справка из Грум-Гржимайло за прошлый век, чтобы вы чуяли движение времени: «**42 двора, 250 жителей. Кроме 5 мечан и солдат жители казаки, поселившиеся здесь в 1872 и 1881 годах. Часовня, общественный хлебный магазин, питейное заведение, 5 конных мельниц, почтовая станция. В непосредственном пользовании казаков находится земли 1790 десятин, в том числе усадебной с выгоном 1053 десятины, пахотной с залежами 292, покосов 446. В посевах под ярицею 51 десятина. Скота казаки содержат: лошадей 484 (323 рабочих), рогатого скота 445 (230 коров и 15 волов), свиней 108»... - нормальная жизнь, отягощенная суровым климатом (морозы до 40 градусов), зато вдали от начальства. Про-**

Автор: А. В. Виллборга, С. В.

Каменный пароход «Амур» близ Албазина на р. Амур.

разберись летом 1993 года, когда борьба в Москве уже идет не на жизнь, а на смерть. Любопытно, поздней осенью 93 года я приехал в редакцию «Родины», а милиция, увидев на ободке «Верховный Совет РСФСР», не пропустила меня в журнал. «Да ведь я из Амурской экспедиции, и удостоверение мое еще действительно» (да, по 1 января 94 года действительно). «Нет, - подозрительно оглядев меня (за плечом рюкзака походный немного сглаживал ситуацию), отвечали сержанты. - Идите заказывайте новый пропуск»... И вот глава сельской администрации на реке Амур, осмотрев эти две более чем сомнительные печати (пришлось объяснить, что удостоверение старое, правая сторона, и что «Родина», открытая по инициативе Е. Лигачева, была изданием ЦК, и там меня печатали как ни странно), отдал мне папку.

Я ушел на судно, спрятавшись в каюте, стал читать официальные бумаги Ушаковской сельской администрации, при всей моей нелюбви к подобным бумагам. Скоро стал ловить себя на мысли, что хорошо бы отсканировать часть документов, но эта мысль была смешна. И я читал дальше, кое-что пытаюсь записать в тетрадь.

Оказывается, Станислав Васильевич Пасюк, когда защищал директора Ушаковского совхоза, пригрозил Голобородкину: «Пришлю двух милиционеров и арестую», - он мог осуществить

шло сто лет, надвинулось сложное время выбора, куда и как идти. 22 декабря 1992 года на II сессии Ушаковского сельского Совета Шимановского района Николай Голобородкин сказал для мужиков такую речь: «Каждый из нас имеет свое мнение, один поддерживает Президента, другой - Верховный Совет. Конфликт в Москве, конфликт в Благовещенске, а также между Советом и администрацией. Я считаю, эта борьба приносит вред и ничего хорошего для России и для области не обещает. Зачем доходить до личных оскорблений, да еще вытаскивать грязь в средства массовой информации? На проходившей в Благовещенске сессии областного Совета депутаты дали неудовлетворительную оценку главе администрации области Кривченко А. А. и почти единогласно проголосовали внести предложение о недоверии. На этом мнении сошлись не только противники, но и сторонники Кривченко. Одно и понятно, некомпетентность главы сказывается во всех действиях»... - затем сельский вожак докладывает народу, что успел сделать в Ушакове (ремонт дорог и клуба, ремонт изгороди. Очень резко говорит об антисанитарии в селе и докладывает, что было наказано 23 человека. Удивительно - сход молча принимает критику в свой адрес, видимо, Голобородкин умеет убеждать народ в своей правоте).

Проблема преступности. Одинадцать преступлений за год (для сравнения - сто лет назад было

два преступления, именно преступления, но на весь русский берег от Шилки до Хабаровска). - О наркоманах-конопляниках они дали половину преступлений.

Затем сход (180 человек) заслушал, как себя ведет директор совхоза. Дичайшие факты. Приказал перепахать сенокосы и отдал заставе под картофель. Отнял огороды. За десять лет депутатства в районном Совете ни разу (!) не отчитался перед народом хотя бы для галочки. Механизатор П. А. Никонович: «Попросили со старой кочегарки кирпич, Алексеев в ответ: «Я еще не построил гараж себе и отцу». Отобрал сельхозинвентарь у школы (школе принадлежащий). Учителя стали протестовать. «Задавливаю школу», - услышали в ответ.

Удалось отставить зарвавшегося директора. Он ушел в фермеры, предварительно успев подготовить себе «базу». Предоблсовета А. Н. Белоногов потребовал у районных властей дать оценку поведению директора. Ответ замначальника райсельхозуправления: «...Эти факты имеют этический характер и не имеют состава преступления»... - вот вам, читатель, наша эпоха.

После изучения документов - беседа со старым коммунистом Е. Л. Бословяком (из поляков). Он сторонник возврата назад. «Начните с того, чтобы собраться коммунистам села и принять общее решение», - говорю я. Оказывается, пробовали, но из 30 бывших коммунистов пришло трое, остальные не хотят возвращаться туда, где было им тяжело. Затем в гостях у старика Баяркина Алексея Дмитриевича. Вкусные подробности жизни, стародавней, но рядом трагические. Дядька убил деда - за кобылицу. Отец охотился в падах Забайкалья и провалился в Аргуни, долго болел. Его возили в Китай (разумеется, без всякой визы, погрузили в розвальни и - туда), но, видимо, было поздно. Рассказ о войне, о струсившем лейтенанте. Седой, в клетчатой рубашке, с пшеничными усами, Баяркин сидел на табурете под солнцем, и нам не хотелось уходить с его двора.

Ранее была мельница и был свой хлеб, а теперь хлеб не всегда привезут. Непутево. Пойдут ли ушаковцы на свои подворья? Не скоро пойдут. Боятся.

- Чего боятся?

- А вот завтра опять погонят в совхоз. Не погонят?

- Да в совхозе лучше, - сказал я лживую фразу (для меня лживую).

- Лучше, - согласился старик.

Качели. Там лучше или там? Или везде лучше, где нас нет?

Мне чрезвычайно понравилась глава сельской администрации. Мы ушли из Ушаково, и я хотел написать руководителям Амурской области: вот на каких ребят надо опираться, как Голобородкин, - и позже написал новому посаднику из Москвы. А что он, посадник? Об этом потом расскажу, впрочем, если читатель имеет доступ к журналу «Посев», где напечатана итоговая Записка в адрес верхов, - то можно и по «Посеву» догадаться, что посадник...

(Продолжение следует).

► Борис ЧЕРНЫХ

РУССКИЙ БЕРЕГ

Из путевых тетрадей. Публикация пятая.

Наконец «Палтус» подошел к Буссе - селение названо именем Николая Васильевича Буссе, сподвижника графа Н. Муравьева-Амурского и первого военного губернатора области. О Буссеевской станции придется рассказать позже, а сейчас о том, как мы пересели в седла автомобиля и по крепкой дороге выехали в Свободный. Некогда основатели нарекли его возвышенно - Цесаревич Алексей, в честь царственного отрока.

ИМЕНИ ЦЕСАРЕВИЧА

Алексеевск начинался благобно, и год рождения у него тишайший - 1912. Бурное развитие края продиктовало выбрать площадку на высоком и

не случайно назван Есауловым садом. На солнечных полянах и строгих аллеях Есаулова возмужали поколения, под «Брызги шампанского» и

дующей свободненским музеем К. С. Денисовой. Ксения Семеновна заявила о справедливых (!) репрессиях сталинской эпохи. Хороша демократическая гласность времен сумятицы...

Но вернемся в раскаленный июльский полдень на улицы Свободного. Солнце плавит асфальт. Тополя возле девятой школы, посаженные моим выпуском в пятидесятых, не спасают от жары. Мы ждем машины, обещан-

Шатков, репрессированный властями за то, что потерял продовольственную карточку и, голодный, не мог пойти в рейс помощником кочегара на речном буксире. Затем Володю Шаткова перевели в лагерь на Подгорной и гоняли вместе со взрослыми на каторжные работы. «Не так уж и мрачно»...

Здесь Наталий Аронович Френкель царствовал безраздельно над славянскими душами. Френкель любил потешить себя футболом на травяном поле стадиона «Динамо». По приказу Френкеля в ворота любимой команды ставили классного вратаря-зэка, а по углам ворот сидели охранники в трусах, играя роль запасных. Воистину, не так уж и мрачно...

Поздно попало в мои руки письмо Марианны Николаевны Строевой (она автор книг «Чехов и художественный театр», «Режиссерские искания Станиславского»).

Она пишет - после тюрьмы, где отца били цепью и обливали ледяной водой из шланга, «полуголодная жизнь «зэка» в далеком концлагере г. Свободного казалась избавлением». Да, «не так уж и мрачно»...

Читателю, наверное, ведомы горькие главы, написанные о Свободном лучшими писателями России¹⁾, но нынче я не хотел растравливать едва зажившие раны (перо, спотыкаясь, вывело невзначай эти страницы). Да и бросок наш с Амура преследует не траурные цели. Историки намереваются встретиться с руководителем городской власти, напомнить ему документ, приведенный сокращенным.

«Председателю исполкома города Свободного Ярославцеву Ю. П.

Глубокоуважаемый Юрий Петрович!

По нашим данным, полученным в Управлении культуры облисполкома, в Свободном 20 памятников истории и культуры. Памятников в действительности, вероятно, больше. На них, к сожалению, нет паспортов, большинство из памятников находится в неважном состоянии, надлежащего ухода за ними

нет... Город, получивший неплохое культурное развитие в дореволюционное время, до сих пор не имеет охраняемых исторических зон. Если дело оставить в таком положении и не исправить, то в завершающем варианте «Свода памятников истории и культуры РСФСР. Амурская область» город Свободный может выглядеть весьма бедно...

Возрождение нашего общества невозможно без возрождения исторической памяти. Было бы неплохо при отделе культуры... создать Совет по восстановлению памяти. И совместными усилиями начать эту большую и важную работу.

Жду вашего ответа.

Руководитель группы подготовки Свода памятников истории и культуры Дальнего Востока СССР доктор исторических наук И. Г. Стрюченко.

г. Владивосток, 1989 год."

Юрий Ярославцев оказался на месте и принял нас. Александр Иванович Куприянов, у него на руках был процитированный документ, попросил председателя горисполкома (впрочем, летом 1993 - председателя городского Совета) прокомментировать и письмо доктора Стрюченко, и события в городе за минувшие четыре года. Разговор подсекся сразу же: Юрий Петрович Ярославцев заявил, что он не помнит письма И. Г. Стрюченко, а если бы помнил - прокомментировал должным образом. Председатель горсовета откровенно демонстрировал неприятие темы беседы и готов был поговорить на абстрактные темы.

Я не вступал в разговор и не попытался разоблачить главу советской власти, хотя козыри были у меня в руках. Обращение Ивана Стрюченко послано было г-ну Ярославцеву по моей личной просьбе заказным письмом, и письмо достигло адресата. Зачем я просил Стрюченко об этой услуге? Да затем, что разуверился в собственных попытках помешать разгрому алексеевской старины, впрочем, и посталексеевской.

Цесаревич Алеша, 1912 год

обширном плато, где мог бы разместиться огромный посад, равный нынешним Хабаровску или Владивостоку (собственно Алексеевск и замышлялся как гипотетическая столица Дальнего Востока). Трансвосточная магистраль рассекла город почти надвое и связала прочной нитью со страной. Сохранился редкий снимок - первоселы у стелы, возведенной из камня по случаю основания города. А рядом, через улицу отцы построили школу-четырёхлетку. Срубленное из лиственницы здание не лишено изящества, оно стоит и ныне. В 30-е годы после туруханской ссылки родители отдали сюда учиться моих братьев и сестру, а после войны пришел и я, поскребыш, в теплый и уютный терем.

И еще фотография - главная Княже-Алексеевская улица, прорубленная в лесу будто по линейке. По левую руку, в девственной роще, положили открыть общественный сад, в моих рассказах об Урийске он

«Прощание славянки»; благотворное влияние оказывал сад на урийцев... Здесь расцвела слава Мити Меньшикова, легендарного юного атлета. Натуралист и военный топограф Владимир Питухин в зимнем саду замышлял свои книги о природе. Здесь пил позднее вино Владилен Федоров, храбрый танкист, горевший в «Т-34», чудом выживший. Здесь гужевалось и наше братство - легкая поступь пленительной Вали Кузнецовой все еще не гаснет в глубине прострельных аллей. Здесь были мы счастливы с Виктором Повалевым, впроголодь собирая грибы и сном-духом не чуя, что судьба сведет нас вдали от родины сорок лет спустя...

А справа стоят аккуратные домики, уцелевшие тоже, но урбанистическое руководство города покушается снести их, вместо того, чтобы сберечь для потомков.

Летом 93-го, после Благовещенска, я прочитал в «Амурской газете» беседу собкора Владимира Писарчука с заве-

ной главою города. Напомню, кто «мы»: Александр Минаев, Александр Куприянов и Виктор Безотосный, Алексей Падалко. Наконец, машину подали, мы медленно объехали предместья. Добрались до восточной окраины, где доживают век последние охранники БАМлага и пересыльной тюрьмы, старики с выцветшими пустыми глазами, но с орденскими планками на изношенных пиджаках. Волкодавы великого террора.

На обрыве в долину Перы, спустившись, мы нашли куски ржавой колючей проволоки и молча постояли. Заливные луга буйно цвели, пахло спелым зверобоем. И Саша Куприянов сказал удивительные слова:

- Здесь не так уж и мрачно, Борис Иванович, как вы рисовали нам, - я промолчал.

Воображение устало явилось зимнюю поземку, продувные бараки, лай овчарок. «Не так уж и мрачно»...

Здесь мальчиком тягучие недели пробыл Владимир

¹⁾ Александр Солженицын о Свободном, столице БАМлага, рассказал в «Архипелаге ГУЛАГ». Вячеслав Кондратьев, чьи первые, лейтенантские, годы перед войной прошли здесь, оставил пронзительный рассказ «На станции Свободной». Написанное Солженицыным и Кондратьевым не избыть вовеки.

Однажды, собрав круг протестантов, вместе с городской газетой, я убедил городское начальство (тогда горком КПСС) не трогать, а сберечь для потомков здание девятой школы, исполненное строителями в классическом стиле, и само имя - «девятка» - сохранить. Но чуть позже побывал в родной школе и ужаснулся: в учительской падал дождь - прохудилась крыша. И падал дождь в кабинете химии...

Ныне, объехав город, я уверился, что дерзко переименованные улицы, ранее носившие имена заслуженных людей, так и пребывают в топонимике города с чуждыми знаками. Улица имени Николая Гондатти, первого гражданского губернатора Амурской области, энергичного движителя экономики края, в одночасье стала улицей самозванца Мухина. Инженерная, прозорливо нареченная, превратилась в подачи гэбистов в улицу имени Дзержинского. А кому мешала Торговая? Оказывается, Карлу Марксу. А Княже-Алексеевская десятилетия волокля сталинское оперение, а теперь стала Ленинской. Шустрый Ильич взбежал и на пьедестал в центре города. Недавно Алексей Падалко написал мне: «Хорошо бы на готовый пьедестал поднять мальчика, чьим именем отцы города назвали город», - мысль верная и справедливая.

После горсовета участники экспедиции пробыли достаточно долго в музее, чтобы запомнить пропагандистские клейма, любимые К. С. Денисовой. Вот стенд о белом терроре, бесстыдно диктующий посетителям музея (особливо учителям и воспитанникам школ) обратное прочтение подлинной биографии города. В Свободном жертвами гражданской войны (развязанной октябрьским переворотом) пали десятки тысяч узников БАМлага и сотни жителей города. Кладбища и потайные захоронения в черте и вокруг Свободного поглотили столько мучеников, что несопоставимо писать рядом два явления «белый террор» - «красный террор».

Но мало кто задумывается нынче, что большевистский террор носил тотальный характер во времени, он проникал в толщу народа, рушил и развращал семьи, насаждал безнравственность. Г-н Попов, старый педагог, любит поминать о домах терпимости в Алексеевске. Но когда Френкель весь город сделал домом терпимости, когда по рукам пошли, не стесняясь, невесты и жены расхристанного города, - он не хочет видеть этого.

Недавно отпрыск отвратительной свободненской фамилии, публикуя графоманские вирши в областной газете, упрямил публикацию сообщением: «Я из семьи известных докторов», - я горько усмехнулся. Ах, сановитые отпрыски, читали бы вы с карандашом хотя бы мои урийские рассказы. Доктор

Ф. прославился у нас, когда не смог исцелить молодого пациента, а когда узнал, что юношу спасла полячка (так в народе звали знахарку-травницу), Ф. написал на нее донос. Последствия были тяжкие.

На Комсомольской, рядом с домом, где вырос храбрый танкист Федоров, жители с презрением встречали дамочку, по доносу которой взяли мужа, не чужого, а родного, отца общих дэтин (дамочка была хохлушкой).

Лейтенант топограф, ученый Владимир Питухин, 1956 г.

Дамочка сообщила в органы, что муж ее сомневается в истинности сталинских речений («жить стало лучше, жить стало веселее»).

На Шатковской, названной, к сожалению, не в честь героического узника ГУЛАГа Владимира Шаткова (когда-нибудь мы поправим оплошность), неподалеку от стадиона «Динамо» поповская дочка, отрекшаяся от отца и православной веры, совратила молодого офицера внутренних войск. Поповская дочка была старше его на семнадцать лет и, увядая, стала мистически бояться, что красавец-офицер бросит ее, бесплодную. Управа на красавца нашлась простенькая: поповна пригрозила - донесет-де, что муж из казачьей семьи, притом атаманской (в Свободном вообще было множество расказаченных, скрывавших свое происхождение), и молодой офицер стал спиваться на глазах соседей, и мало кто знал, отчего, хмельной, убредает он в Есаулов сад, чему ищет забвения.

Ладно, то тридцатые-пятидесятые годы, преданья старины, хотя и неглубокой. Но в семидесятые годы известный в городе педагог всякий раз опускал голову, когда встречал местного гэбиста, и тот, ласково улыбаясь, делал таинственный знак: два пальца левой руки в перекрестье с двумя пальцами правой - этакое милое масонское приветствие, означающее решеточку тюремную. Бойся-де ежедневно и ежечасно.

Спрашивается, была ли причина столь изощренно травить учителя? Была! Оказывается, сколько-то тому лет назад на курсах повышения квалификации, в Благовещенске, учитель задал лектору-международни-

ку вопрос: «Скажите, а не врут, что американские учителя получают зарплату, превышающую зарплату советских учителей в несколько раз?» - однако учитель, дитя системы, поостерегся вслух спросить, а послал записку. Ответят - ладно, не ответят - тоже понятно.

Лектор из Москвы (надо бы его найти, вычислить негодяя) молча прочитал записку и сказал: «А вот на этот вопрос, - он потряс записку, не оглашая сути ее, - надо отвечать особо», - и укатил, оставив в неведении аудитории. Прошли годы, учитель женился, детей нарожал и слыл примерным педагогом-биологом. Вдруг вызывают его в горком партии, к Первому. Пришел, хотя и беспартийный, даже как бы польщенным себя почувствовал - нуждаются в нем партийцы. В кабинете Первого (теперь, летом 93-го, это кабинет Ю. Ярославцева) учителя усадили в конце долгого стола. Во главе - Первый. По бокам - люди в штатском.

Украшение 9-й школы Валя Кузнецова, 1954 г.

Пауза. Человек в штатском подносит к глазам учителя записку: «Алексей Егорович, это вы писали?».

Сердце бедного учителя опало: «Я писал», - прошептал он. - А-я-яй, учитель социалистической школы, - покачал головой Первый (надо назвать его имя, но не могу поднять из записных книжек 1987 года).²⁾

Опять помолчали.

- Что будем делать, Алексей Егорович?

- Исправляться будем, - отвечал бедный учитель.

- Ну, и славно, и славно! - с облегчением вскричала банда, и был отпущен учитель трепетать вечно.

А местный гэбист, майор Александр Ильич Цыганчук придумал знак масонский, которым отныне всегда публично приветствовал учителя.

Читатель догадался, поди, кто этот страдалец - да, Алексей Егорович Падалко, участник экспедиции, ныне Падалко - человек в Свободном с добрым именем. Он, биолог и натуралист, автор превосходной педагогической книги, вышедшей

в Москве... Но и тут нужна пауза. Книга А. Е. Падалко должна была получить премию имени К. Ушинского, но потайные силы препятствовали награждению педагога. Алексей Падалко фантастический изобретатель, его патенты рекламировало «Останкино». Я и экологом позвал его в Амурскую экспедицию, зная наперед: более добросовестного сотрудника у меня не будет, и не ошибся. Свободный может гордиться Алексеем Егоровичем. Но ежели в иных городах людей, подобных Падалко, делают почетными гражданами, то в Свободном этот высоко одаренный человек влачит существование...

Так скажите-то, что я рассказывал, это террор или побрякушки? А если террор, то каков цвет у него, неужто белый?

Урийские мои тетради (все, что связано с малой родиной) полны подобных сюжетов, они мифологичны, но и абсолютно реальны. Ранее я упомянул военную голубятню, даже и не подумав о мистическом сочетании слов: разве голуби могут быть военными?.. Но одна из ворошиловских доктрин гласила, что мы одержим победу над врагом с помощью голубиной почты, и «парень из нашего города» (старшее поколение помнит этот симоновский фильм) не зря гоняет по крышам голубей. Лихорадило и Свободный от повального голубиног увлечения (здесь надобно сделать поправку - в ту эпоху многие искали забвения и находили, в чем могли). Военные же, призванные обучать умную птицу шпи-

(Слева направо): юнга Максим Трифионов, директор гимназии № 9 С. Г. Степанов, меценат В. С. Поваляев, натуралист А. Е. Падалко, писатель и руководитель экспедиции Б. И. Черных, 1993 г.

онскому ремеслу, скоро приспособили сизарей для доставки любовных посланий. И вот что случилось на Пионерской, где живут ныне старики Поваляевы... Э, промолчу. Оставляю для урийских рассказов.

Свободный пережил несколько эпидемий безумия. Помню эпидемию земляных горшочков. С помощью горшочков мы намеревались захватить мировое лидерство в агрономии (Вавилова уничтожили - придумали земляные горшочки). Но полки в продмагах оставались скудными, зато на не-

бывалую высоту подняли патриотические настроения с помощью бумажных стаканчиков.

Затем воспошествовал новый призыв, и массами овладела новая идея.

Когда престарелый вождь отправился в пропагандистскую поездку на Дальний Восток, городу было велено готовить встречу фирменного поезда. Сочинялись сценарии и репетировались демонстрации всенародной любви к маршалу Малой земли. Между коллективами шло острое соперничество за право сказать с пафосом: «Дорогой Леонид Ильич»... Но фирменный поезд, не притормозив, прошел посреди бела дня через Свободный. Гэбшники уведомили свободненцев заранее о часе следования. К полотну железной дороги были выведены толпы трудящихся и сняты с уроков школьники. Напрасные вожделения. В окнах голубых вагонов не колыхнулось ни одной занавески. Маразматик спал. Однако сердца моих земляков билось гулко и в унисон. Учительницы плакали...

Теперь Свободный начинает в очередной раз сходить с ума, ему пообещали запредельное - он должен стать космическим городом, новым Байконуром со всеми непредсказуемыми нелепостями и смрадом. Почтенные люди пишут мне торжественные письма, по прерывистому слогу я чувствую аритмию патриотического дыхания. Боже милосердный, почто напасты преследуют маленький город во глубине России? Неужто провиденциальное нака-

зание послано за ипатьевский дом и хворого мальчонку, сгинувшего в ночи? Впрочем, по одной из урийских версий, мальчика выкрали казаки, и Цесаревич Алексей дожил свой век у нас под опекой православной общины.

И опять поднебесная музыка доносит из Есаулова сада пряный запах легенды...

(Продолжение следует.)

Автор приносит сердечную благодарность начальнику Свободненской автошколы полковнику Круку Владимиру Ивановичу, он сделал возможным бросок с Амура в город.

²⁾ Нет, все же поднял. Его звали Василий Васильевич Юрченко, ныне он вполне благополучно живет в Днепрпетровске.

► Борис ЧЕРНЫХ

Русский Бьерет

Из путевых тетрадей. Публикация шестая.

«БЕДНАЯ СТАНИЦА» БУССЕ

В предыдущем очерке я рассказал, как, оставив борт «Палтуса», мы посетили город Свободный. То малая дань - малой родине. За кадром остались колоритные персонажи и интересные события. Строго говоря, город Свободный достоин особого документального полотна, и в 9-й средней школе уже подрастает будущий историк, который сподобится на этот труд. Когда он сядет к столу... когда Ты сядешь к письменному столу, мальчик мой, прошу Тебя - не мнуй темы свободненских старожил. Один старик - Василий Емельянович Марков стоит поэмы. Когда я был отроком, я спросил Василия Емельяновича, почему он не вступил в самую передовую в мире коммунистическую партию. Попыхивая папироской, Василий Емельянович зорко посмотрел на меня и отвечал: «Боря, голубчик, я всю жизнь работал бухгалтером, и мало того, что знал всю поднаготную, - на моих глазах, за перегородкой, шли ежемесячные собрания коммунистов. И я дал себе слово никогда не иметь ничего общего с коллективным безумием. Лучше сходить с ума в одиночку», - согласитесь, это сокрушительная речь для Свободного начала пятидесятых годов.

Последним деянием Василия Емельяновича (на 9-ом десятке лет!) было дотошное, с карандашом в руках, прочтение «Архипелага ГУЛАГ» А. Солженицына.

Теперь им уже никогда не отмыться. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит, - сказал старик.

У меня не было отца (отец умер после ссылки в 1938 году, когда я был сосунком), но у меня был Василий Емельянович Марков. У меня был военный топограф Владимир Михайлович Питухин, сто томов мировых географических исследований, а теперь - поминально - книги топографа, изданные московской «Мыслью», хабаровским и одесским издательствами. На письменном моем столе логарифмическая линейка и прибор с гусиным пером - питухинские. У меня была учительница Тина Евсеевна Ларина, математик, далекая от политики. Тихая. И святая. Тина Евсеевна, я помню о Вас ежедневно. Как хорошо, что Вы кротко смотрите на меня издали. Математиком я не стал, увы...

Я уверен, украшением улицы Шатковской, да и города, слыла белошвей Васильевна, казачка, знавшая старинные русские песни. Моя мама. Да полячка, травница, к которой тайно ходили хворые, и она, зная, что могут донести, ставила на ноги безнадежно больных. Она и меня спасла в раннем детстве. Костный туберкулез. Врачи отказались спасать, полячка спасла.

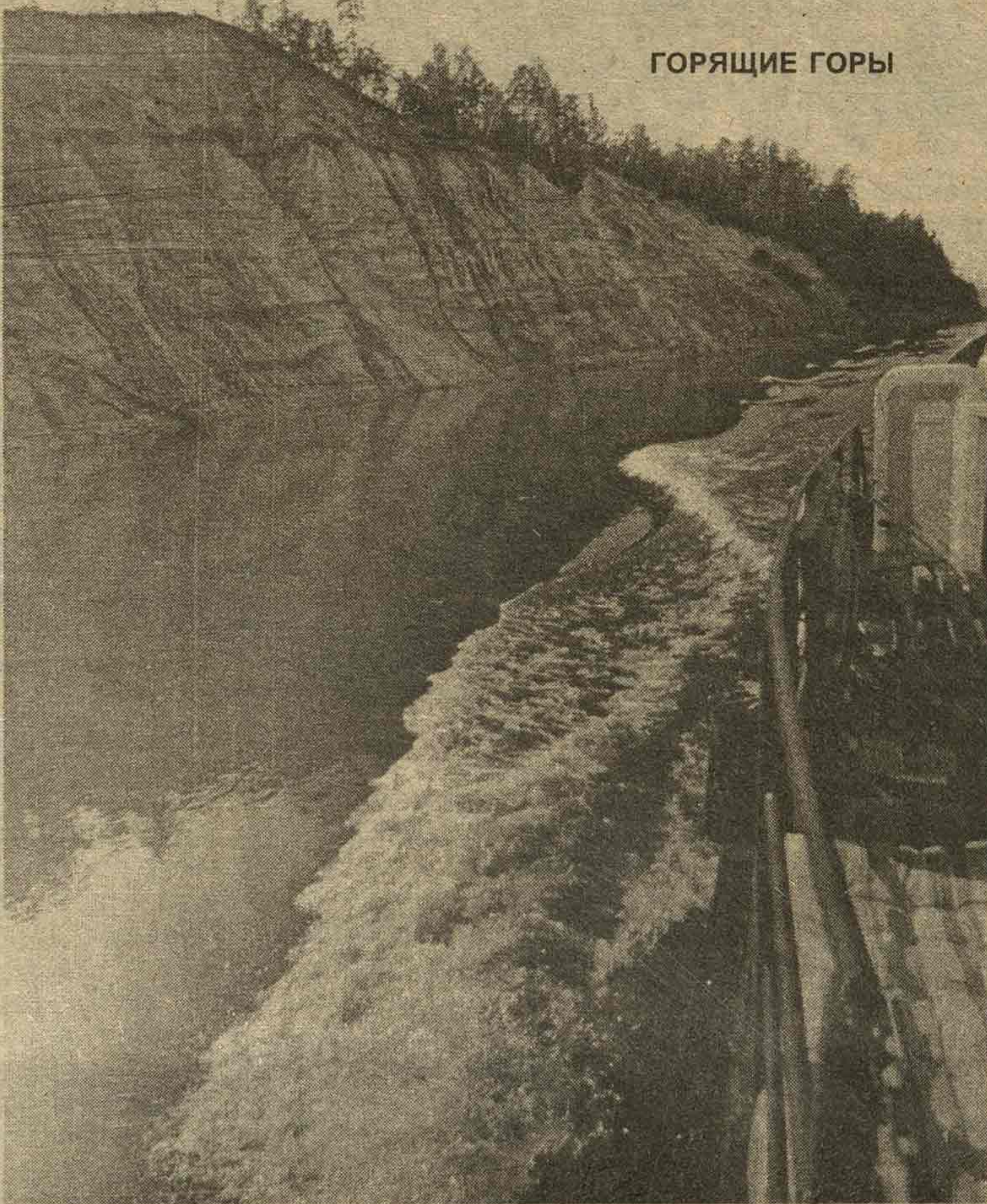
Я не успеваю рассказать о вас, дорогие земляки, и, боюсь, не успею. Э, да один Толя Фатеев, классный пилот и механик, достоин книги. Ныне он живет напротив церкви, вдыхает запах укропа с огородных гряд и вспоминает минуты ослепительного былого...

Но вернемся в Буссе, станицу, названную в честь Николая Буссе, первого военного губернатора Амурской области. Неадекватный человек! Его ценил Муравьев-Амурский. Слава Богу, не стерли хотя бы имя Буссе с карты (а должны были - царский генерал

О Буссе географ Г. Гржимайло сто лет назад вот что записал (называя Буссе поселком): находится «в местности, совершенно безопасной от наводнений. Дворов 45, зданий 61, жителей 332 - казаков, поселившихся здесь в 1872 и 1873 годах. В поселке есть церковь, школа с 20 учащимися, хлебный магазин, питейное заведение, 15 конных мельниц и почтово-телеграфная станция. Земли в пользовании казаков 1730 десятин, в том числе усадебной с выгоном 516 десятин, пахотной 380, покосной 700. Под ярицей 61 дес., яровой пшеницей 60 дес., овсом 78 дес., ячменем 2 1/2, гречей 16 1/2 десятин. Скота казаки содержат: лошадей 460 (из них 340 рабочих), рогатого 370 (коров 223, волов 9), свиней 98».

По справке Г. Гржимайло можно представить средний прожиточный уровень семьи или двора, коли в среднем на двор приходится 7,7 головы рабочих лошадей (правда, с молодняком), по 2,6 верховых лошадей и по 38 десятин земли, но всякое среднее ускользает в противоречивые подробности. Так марксисты, оперируя средними статистическими выкладками, пытались доказать в конце прошлого столетия всеобщую бедность русских. Но у казаков и тогда, а позже тем более, не было бедных. Казачьи общины не позволяли падать семье, если на войне или на охоте погибал глава семьи. То самое классовое расслоение, в коем блудили (и наблудили) социал-демократы, для казачества вообще не характерно. Суровый быт, могучее предание, высокие понятия чести (прежде всего личной, а следом и общинной, воинской) - в таком «вареве» воспитывались казаки с детских лет. В казачьих станицах считалось зорным кичиться нажитым добром, это было второстепенным, но - оружие, конь, выучка, выносливость, солидарность были суть главные ценности. А сверх того идеология - вера в Царя и Отечество, вера в Бога - делали казаков лучшими в мире бойцами. Но речь мы завели о другом. Что есть прожиточный уровень? В годы так называемой «революционной ситуации» Россия занимала седьмое место в мире по уровню благосостояния. Плохо это или сносно? Марксисты кричали, что народ погибает, и оголтелой пропагандой звали народ «грабить награбленное». Результат? Извольте. В 1980 году Россия занимала уже 57 место в мире по уровню благосостояния. Между прочим, цифры эти я взял в журнале «Политический собеседник» за 1991 год, журнал издавался Амурским обкомом компартии. Так когда Россия была нищей - в 1905 или в 1980 году?..

Ныне в Буссе 176 дворов и 450 жителей. Церковь уничтожили, она мораль-

ГОРЯЩИЕ ГОРЫ

но-де разлагала народ. Уклад социально-колхозный извел лошадей, в индивидуальном владении осталось всего две лошади. Зато держат 180 коров (с молодняком), поголовье свиной ничтожно - 65 голов. Много, естественно, техники, но она вся сосредоточена в ТОО «Петропавловское» (ТОО - означает товарищество с ограниченной ответственностью, смехотворное понятие, уж сразу бы и сказали - товарищество с безграничной безответственностью), и Буссе тоже входит в это пресловутое ТОО.

Переселенческие волны еще до Горбачева занесли сюда татар, узбеков, башкир, азербайджанцев, но есть и недавние беглецы из горных точек СНГ. Живут - не сорятся, но инородцев приводит в негодование русский разгул.

Мы обошли два десятка дворов, беседовали с жителями. Смущала разноречивая оценка некоторых должностных лиц, призванных в эпоху драматических перемен быть опорой порядка и порядочности. Местный начальник воспользовался вольготными обстоятельствами, привозит на служебной машине ящиками водку, торгует из-под полы по бешеной цене. От встречи с нами спрятался. Но мораль этого человека выдала его жена, хищная особа и сверхосторожная, когда мы зашли к ней буссевого мужичка, она не устояла от соблазна и продала две бутылки по 3,5 тыс. рублей за бутылку (по курсу лета 93-го - в полтора раза дороже выше магазинной), то есть спекулировала в открытую. А магазин первоначально пуст. Нет никаких жиров. Перебой с постным маслом. Беден выбор промышленных товаров. Зато коммерсанты в эти дни устроили прямо на главной улице богатую барачку.

В Буссе мы впервые столкнулись с абсолютным отсутствием лекарств. Потом, когда в городе Свободном я беседовал с главным врачом районной больницы Александром Иннокентьевичем Малышевым и сказал ему, что хворые в станице бедствуют, главврач не удивился и подтвердил: да, плохо стало с поставкой даже прими-

тивных медицинских препаратов. Кстати, на свободненских докторов вывела меня буссева беда. У скотника Валерия Александровича Макарова сын вернулся из армии с разбитой селезенкой. Дедовщина. Офицеры-командиры скрыли причину тяжелой травмы, назвали ее «бытовой», комиссовали парня - с глаз долой. Не имея врачебной помощи, парень погибает. Свободненские врачи заверили меня, что они немедленно госпитализируют солдата и подлечат в сносных городских условиях.

Интересная беседа была с бригадиром животноводов Виктором Ивановичем Салабаевым. Он стал вспоминать общинные традиции в казачьих станицах, сравнивать с холодным, административным духом властей последних десятилетий (подчеркиваю - десятилетий, не последних смутных годов). Ремонт дорог или колодцев, заготовка сена, оборона от волчьих стай, помощь погорельцам - всюду был лад, отлаженный столетиями.

Да откуда вы родом, Виктор Иванович?

Из донских казаков, - с достоинством отвечал Салабаев, и прогоревшие его усы раздвинула слабая улыбка.

У Салабаева в семье четверо детей. Старшему Ивану 23 года, Сергею семнадцать, Евгению 13, а Катерине восемь годков. С таким подлеском Салабаев готов выйти на хутор, к тому же он шофер и комбайнер. Но где законы, которые оберегут его от завтрашних реставраторов коммунизма? «Вы думаете, возможна реставрация?» - «Да все как было, так и есть. Земли у райкома не выпросишь, - он, видимо, оговорился, но оговорился со смыслом, - а сыновей угонят к черту на кулички служить в армии, а сюда, на заставу, чужих пригонят».

Салабаев против частной собственности на землю. Наследование земли - да, но без права продажи. Иначе мафия приберет землю.

А колючую проволоку с берега сорвать пора, - сказал мужик, - вернуть казачьи привилегии, казачество мигом поднимется.

Голос Салабаева убажлил меня. Но вот голос капитана Павла Александровича Зверина, заместителя начальника погранзаставы: - Я понимаю, унизили жить за колючей проволокой, и мы немедленно разберем заплот, если будет приказ.

«Если будет приказ». Похоже, они не собираются усложнять себе жизнь, и приказа не будет. Пока глава государства не прикажет. Но они шумят и главе государства внушить, что эта тонкая ниточка проволоки оберегает покой России.

Кто они? - «Они».

В верховой станице я записал монолог бывшего пограничника, подполковника Н., не решаюсь назвать его имя, хотя его не смущала моя подробная запись его монолога, и он не оговорил тогда - «не

называйте имя».

- В училищах погранвойск искажена система нравственных ценностей. Опора на народ разрушена, да офицеры в своем большинстве люди невысокого интеллекта, охранники, одним словом. Им внушают, что прежде всего они носители ограничений и что они должны внушать страх. Недовольствие к своим - это и есть концепция пограничной службы. Притом система «доверенных лиц», агентуры - колоссальный охват слежкой собственных граждан за гражданами. Вы где-нибудь читали об этом? Вот видите, не читали, ибо это тщательно скрывается от нас. Но это и есть будни офицера погранзаставы. Вот они - китайцы - вдруг вломятся, мы вынуждены будем отойти. А когда вернемся, наши гражданские осведомители сообщат нам, кто как себя вел при оккупантах. И тогда... Хороша философия!..

Монолог отставного подполковника я припомнил и поднял из походной тетради тотчас, когда следом за капитаном Авериным в гостях побывал комендант участка подполковник Владимир Васильевич Козлов, и я услышал из его горячих уст:

- Знаете ли вы, что районные власти повсеместно выступают с ходатайствами о заграждениях по реке Амур? Почему? Да потому что власти осознают - если мы откроем границу, мафия одного государства сольется с мафией другого государства. Тогда нам уже никто и ничто не поможет.

Речь В. В. Козлова сильно поколебала меня. Уже в Благовещенске я видел, сколь разнузданно ведут себя китайцы.

Но вопросы, поднятые отставным подполковником - и тоже пограничником! - основательны, от них тоже нельзя отмахнуться.

Наконец, еще голос. Едва мы отошли от Буссе, в соседней станице Сергей Васильев, командир погранзаставы, сказал мне: «Надо перейти на контрактную систему набора пограничников, тогда на заставах будет полная укомплектованность, и добросовестность ребят вырастет неизмеримо. Но контроль сверху нужен, причем строгий», - только я записал суждение С. Васильева, как узнал, что с его подачи Петропавловский сельсовет (в его ведении и Буссе) принял решение «установить пограничную полосу от коренного берега Амура шириной в 5 километров, включая села Буссе и Петропавловку»...

Читатель должен понять - идет изнурительная борьба разных представлений о границе. Необходим взвешенный державный взгляд, вполне допускаю, еще более строгий, нежели нынешний. Но регламентированный, точный, подзаконный и безусловно контролируемый гражданскими властями, ибо все же пограничники - для нации и для государства, а не нация и государство - для пограничников.

Записал свидетельство Ник. Павл. Кислицына. У него отобрали медаль «За отвагу». В городе Сунхуа (м. б., Синхуа?) в сорок пятом году Ник. Павл. вместе с приятелями забросал гранатами дом терпимости. Аника-воин... Хотя воин был, видимо, храбрый. В канун коллективизации Н. П. Кислицын работал у богатого мужика Ивана Куликова на паровой мельнице. Чтобы не отдать мельницу в руки коммунистов, братья сожгли мельницу. Что далее стало с братьями, Кислицын не знает, ибо сам он два года был в бегах и так избежал ареста. А в станице тогда, по его словам, забрали пятьдесят человек, погрузили на баржу и - с концами.

3 аписал речь ветеринара Л. К. Плаксы: «Во всех нынешних бедах виновата эта перестройка... Народ развращен, работать не хотят, воруют и спекулируют». Да, а в колхозах воровали? «Вдоволь и в колхозах», - был ответ.

Разногласие жителей Буссе мы перебили поездкой в Свободный. Попутный вопрос напрашивается такой: ранее Амур сказывался в жизни города - было много привозной рыбы, лучших сортов. Но сказывалось ли на станице недалеко присутствие города с его трагической судьбой, да, но и с устоявшимся бытом, с культурой?

Старики отвечали, что ранее, при плохих дорогах, да на лошадях, не наездишься «за культурой». А теперь оно и ни к чему. Молодые приезжают в Свободный в базарные дни и погулять по асфальту... Город предстает всего лишь самустителем (местное словцо), и только...

Петропавловка стоит нашего внимания ввиду полной социальной обременности. Издалека я бы не поверил, что такое возможно. Хотя в Сибири в пору борьбы с «неперспективными селами» видел подобное, но, будучи молодым, не осознавал до конца драматичности ситуации. В Петропавловке закрыт магазин, закрыта почта, школа закрыта. Телефон отключен. Автобус и тот отодвинут - ранее добежал до села прежде, чем идти в райцентр, а сейчас жителям надо добежать с ведрами и сумками до перекрестка, а там иной раз и не посадят, мимо проскочат.

А еще в Петропавловке живучи страхи. «Китайцы вырежут всех, и уже идут убийства», - подтвердить эти слова Фаины Васильевы Загоруйко фактами нельзя, но разубедить ее я не смог. Но есть смысл понять эту женщину, которая убеждена, что жизнь ее и жизнь ее родителей (отец - учительствовал) прошла не зря, больше того - возвышенно прожита. Глядя на нее, в посконной одежде, я невольно вспомнил тутчевские строки:

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной,

- и по всему берегу русскому не раз сердце щемило, я зажимал его рукой, чтобы не расплакаться. Нищие, брошенные государством, из-за колючей изгороди смотрящие на нас кротко и даже не вопрошающе зачастую, а, может быть, сквозь нас. Они навывлет бьют меня, а я, как кукла заводная, открываю тетрадку и пишу. Кто услышит нас, родимые?

Но память обязывает меня и моих спутников не забывать прошлое. Прошлое было здесь? Или уже и прошлого не было? Вот эти сухие строки из столетней давности экспедиционных отчетов - хотя бы. Но сколько осталось свидетелей трепетных, сколько лиц из прошлого смотрят на нас оттуда. Вы скажете - память удел избранных. Пусть так. Но если избранные помнят - нация жива...

Сразу за Петропавловкой - в Бибиково, некогда входившем в Екатеринбургский станичный округ, меня поразил рассказ Андрея Дмитриевича Бронникова, потомственного казака, о той жизни, далекой и почти оглохшей, будто ее и не было. Но вот крепкая вязь его слов, не вычитанных им, не подслушанных, а потаенно сохранившихся в уголке старого сердца, и многое перепуталось, как нити в клубке, что хранился в чулане много лет, да уж и выбросить хотели, и не раз, но всякий раз было жалко.

- Тут-то плавал гудок сильный, «Дунаем» звали, почтово-пассажирский на 120 тонн груза в трюм

и 100 человек по каютам (прошу прощения за цифры, называемые мной циферно для кратости, - Б. Ч.). Ходили заднеколенные, потом их поименовали (переименовали - Б. Ч.) «Муром» и «Краснофлотец», еще «Лазо» и «Батрачка». Раз я ходил в китайскую сторону, там встретил повара Василия Ивановича, ага, китайца, с «Батрачки». Китайцы тут-то арендовали землю под опиум. Лягут на циновки, дышат. А циновки теплые потому, что на канах лежат. Кана-то - из кирпича, низкие дымоходы. Они угреются и всю зиму курят опиум... А у нас работы, в Бибиково, куда бежать было? Дрова заготавливали для пароходов, ох, они и прожорливые (не на угле, на дровах - Б. Ч.). Еще деготь и смолу гнали. В кузнице - кого тебе надо скуют. Кольца? На кольца. Подковы? На. Болты? На болты. Тягу надо? (Металлическое звено, связующее оглобли с санями, - Б. Ч.). На тебе тягу! Сильная тяга шла на сани-груза. А то на кошке для выезда. Шесть человек в сани падают (упадают, сядут - Б. Ч.) - и айда. У нас и пролетки на резиновом ходу водились, двухосевые, рессоры мягкие... Работы, куда бежать? Никто опиум не курил, стеснялись. А унты не стеснялись, сами делали. Ичиги. Нога-то спит в ичигах. Вот и работали. Че не работать, когда нога спит? А берег и землю берегли чистые, чтоб босиком летом ходить. Теперь пройдись! Колочку путают и под мост, и весь берег упутали...

Отца его, Дмитрия Михайловича, чекисты взяли в 37-м году и забыли вернуть. Так мне сказал Андрей Дмитриевич: «Забывали вернуть». И брата взяли, но опомнились и вернули. Тоже он сказал.

Тема репрессий сама собой всплывает в нашем путешествии, не отболело и, наверное, не отболит. Наши историки с удовольствием ходили по Бибиково, в тенистых деревьях, но благодать не снизошла и на них, потому что дети погибших не могли не вспомнить родителей. Надо бы в архивах гэбистских найти имена бибиковцев (например, Степана Жданова или Ивана Тонких, взятого еще в 33-м году) и надо не позволить современным интерпретаторам в очередной раз изолгать историю.

У меня случился разговор с группой молодых парней, женатых, все они были с новенькими автомобилями и на мотоциклах. Были здесь и жены некоторых.

- Пойдете ли на хутора? - спросил я. - Сильные, молодые, при технике. Земли много, природа богатая вокруг.

- Нет, - отвечали мне без паузы, как уже вырешенное ранее, - пусть будет снова совхоз, этим гарантирована зарплата.

- Но если совхоз по всем статьям убыточный, где гарантии зарплатные и премиальные?

- Пусть государство ссужает, если хочет иметь хлеб и мясо.

- И вас устроит, что не устраивало ваших прадедов и дедов - они

не хотели идти в колхозы, там все чужое, и вы там наемные?

- А нам и не нужно наше, да у нас никогда и не было нашего.

- Неправда, было (я показал фотокопию из Грэм-Гржимайло, в походе у нас всегда под рукой имелись эти свидетельства).

- Вот так, - сказал я, - жили ваши прадеды.

- Ну, это их дело.

- Да, а когда ваши внуки про вас скажут «это их дело», что тогда?..

Парни дружно сели в седла и разъехались, убежали. Не отчаяваясь, я пошел по станице один. Вечер, старики на скамейках, я пытался подсаживаться, но все мои собеседники, будто поговору, были навеселе, хотя никакого праздника на дворе - день будний. Но судьба все же смилостивилась и послала неожиданный подарок. Я встретил братьев Бронниковых - Александра, Андрея и Сергея. Это внуки Андрея Дмитриевича Бронникова. Чаевничая у их родителей,

Историки РАН А. Куприянов и В. Безотосный

я смотрел быт семьи, продуманный и опрятный. Было видно, что семья дружная и... насмешливая, улыбочивая. Потом примчались братья: чумазые, белозубые, с хотом хлюпались под ковшами ледяной воды.

Оказалось, братья вышли из так называемого коллективного хозяйства, вытребовали землю. Взяли в аренду... озеро Сандон. Озерцо невеликое, на две тысячи квадратных метров. Запущенное, конечно. Они приведут его в божеский вид и сделают рыбным. Техника есть. И рысистая кобыла. «Какая кобыла?» - спросил я недоуменно. - «Верховая», - отвечал средний из братьев, Андрей. «Зачем?» - «А чтобы пешком по лугам не ходить и машиной луга не портить». «А ты в седле усидишь, если кобыла рысистая?» - «Поедем, покажу». - «Так уже темно на дворе». - «Не заблудимся».

Мать с улыбкой наблюдала, когда мы умащивались вчетвером на мотоцикле с коляской и на газу ушли к окраине. Там из конюшни Андрей вывел Березку, обуздан и без седла упал ей на спину, и Березка понесла его по живью.

Старший брат Александр и младший Сергей с восхищением смотрели, как ушел в потемки на кобыле Андрей (Андрей, видимо, любил везти в семье). И Александр сказал, легко вздохнув (ему тридцать лет):

«Вот я не смогу, как Андрей. Джигит».

Я спросил его о казаках, знает ли он, помнит ли о предках, кто они и с кем были тогда. «Мы были белыми», - сказал он.

По шестнадцать часов в сутки работают братья, и все им мало, такие жадные до земли...

А между тем совсем темно стало на дворе, когда братья велели младшему отвезти меня к катеру. «Если вода пошла по мосту, лучше вернитесь и переночуете у нас», - сказал Андрей.

Амур в эти дни опять стал вздуваться и подпирать мелкие речки и ручьи. Вот и Гуран поднялся, когда мы подъехали к мосту, вода уже струями пошла через него. Но мы задрали колени и на малом газу перешли мост. Я просил Сергея вернуться домой, тут-то я уж сам доберусь, по берегу реки. «Нет, - младший сказал, - ему велено до катера доставить гостя, и он доставит».

На «Палтусе» наши смотрели на меня с улыбкой - видимо, я выглядел блаженным после свидания с братьями. Я лег и крепко уснул, благо накомарниками ребята перекрыли на секомым дорогу в каюту. А утром думал о том, сколько понадобится времени, чтобы братья поднялись. Наверное, лет пять. И еще не менее пяти лет, чтобы стать независимыми, состоятельными. Им повезло, их трое, это сила.

Но когда они поднимутся, господа красные возбудят вопрос, отчего это братья Бронниковы богатые в то время, как большинство в станице сводит концы с концами в совхозе, дышащем на ладан. И никто не вспомнит о шестнадцати часах работы в сутки, ведь мы привыкли походя работать на себя, так как всегда осознавали, что нам не дадут стать собственниками. Ну, а раз так, то че и стараться. Но братья поверили в необратимость перемен, дай-то Бог устоять им и не отступить...

Надо полагать, подходя к Благовещенску, нас ждут более благополучные картины, еще думал я, согретый явлением Бронниковых. Все же областная столица, у нее и снабжение получше, и магазины побогаче, можно слетать на катере или на грузовой машине. Эх, как бы хотелось прийти в станицу богатую, работающую, веселую не нутужным (пьяным) весельем, песенную. Говорят, Сергеевка именно такое село. И еще в Сергеевке хранится казачья шашка, переданная на хранение в школу, значит, жизнь в Сергеевке более обустроена.

Вот какой сюжет слепился к часу нашего приплыва в Сергеевку, «Палтус», сбрасывая обороты, подгрел к высокому берегу. Амур продолжал пугать наводнением и все прибывал. На берегу за изгородью колючей проволоки стояли мужики и тревожно переговаривались. Я понял, они прикидывают, не придется ли вязать углы дома. Местное это изречение означает напрямую - канатами к кольям вяжут углы, чтобы напором воды не стащило дом с фундамента. Да, но нет лодок, их как уничтожили приказом двадцать лет назад, так и не восстановили. Как будут люди-то спасаться? На военных вертолетах? Но не хватит вертолетов на весь русский берег.

Белое полотнище нашего флага привлекло внимание мужиков, они сгрудились возле запертой калитки. Мы пришвартовались, выбросили трап и сошли на берег.

Я шел первым, за мной истори-

ки и эколог. Я обратил внимание - когда мы подошли к запретной полосе и ступили на нее, направляясь к калитке, мужики стали пугаться и диковато взирали даже не на нас, а на нашу обувь. А когда мы нарушили табу, ступили и пошли по вспаханной полосе, раздался голос:

- Эвон, гляди, идут по полосе!

А когда я тронул рукой замок на калитке, опять вскричали сергеевцы:

- Да кто вы, что не боитесь?

Показав на солидного Падалко, я отвечал, что это губернатор края и он приехал разобраться, отчего взаперти живет народ. Мужики с чрезвычайным почтением взирали на большегрузного нашего натуралиста и эколога, а он подобающе губернатору грозно смотрел на берег, на запертые ворота, трогал тоже замок и проволоку, даже не догадываясь, что срабатывает сигнализация. А сигнализация сработала, с заставы сорвался вооруженный наряд во главе с офицером. Но пока пограничники мчались на джипе, я продолжал через проволоку говорить с мужиками, объяснил им, откуда мы идем («От Шилки?!») - восхищенно переспросили мужики и куда, и зачем. Вдруг я увидел, что Алексей Егорович Падалко, оказывается, сошел на берег босиком, вишь ли, ему захотелось подошвами ног ощутить горячую полосу запретки, - и я рассмеялся: хорош босой губернатор!

Тут-то подоспела боевая машина, солдаты с автоматами побежали, как в кино, к нам. А мужики отпрянули в испуге.

Был ли осведомлен майор Михаил Сенько о том, кто мы такие? Был прекрасно осведомлен. Но ему хотелось со скуки покуражиться, и, воспользовавшись моментом, лишний раз пугнуть мужиков. Я попросил его отпереть калитку и подняться на борт «Палтуса». «Нет», - твердым голосом отвечал майор.

Тогда мы ушли на катер и стали варить чай...

Впрочем, оставим сей случай, не первый, да и не последний, поди. Скоро мы разойдемся по Сергеевке, подолгу будем беседовать с руководителями хозяйства и с жителями. Случай «с губернатором» забудется, пограничники нас полюбят, ибо ненавидеть нас не за что.

Здесьняя беда - наркомания. Эпидемия эта началась сравнительно недавно, года четыре назад, новые переселенцы стали охотиться за коноплей и маком, научили молодых этой заразе. А ранее никто и внимания не обращал на конопельку.

Запомнилась откровенная беседа с учителями Натальей Рудольфовной Стародубовой, она филолог, хотя преподает в младших классах, и Любовью Петровной Овдеенко, она историк и литератор. Идет генетическое вырождение, пьянство проникает во все возрастные категории. Разврат уже среди женщин, нарожавших детей. Теперь ядовитым цветом поднимается наркомания. Жестокость среди подростков, даже среди малолетних...

Но здесь пока остановим перо.

(Продолжение следует).

ПОПРАВКА

В N 5 от 8 февраля с. г. в «АН» в публикации пятой главы из путевого тетрадеи Бориса Черных «Русский берег» допущена неточность. Соответствующий абзац в первой колонке страницы 17 следует читать: «В Свободном жертвами гражданской распри, развязанной т. н. Октябрьским переворотом, пали десятки горожан с той и другой стороны. В то время, как жертвами БАМ-лага пали десятки тысяч человек». И далее: «Кладбища и потайные захоронения в черте города и вокруг Свободного поглотили столько мучеников коммунистической эпохи, что несопоставимо писать рядом два явления - «белый террор» - «красный террор». Именно красный террор залил кровью Россию».

► Борис ЧЕРНЫХ

РУССКИЙ БЕРЕГ

Из путевых тетрадей. Публикация седьмая

ПОЧЕМУ КАЗАЧЬЮ ШАШКУ РАЗРУБИЛИ НА БЫТОВЫЕ НОЖИ?

Дотошность не есть главное достоинство путевых записок. Но, вместе с тем, достоинство неоспоримое. Читали ли вы путешествие Гончарова на «Фрегате «Паллада»? Меня раздражали гончаровские длинноты, путевое бормотание. Но, читая главу за главой, я обнаруживал, что Гончаров остается верен замыслу, а именно - в неторопливом повествовании прописывать не только хронику дня, но и сам воздух его и собственные переживания, и даже мечта. Но будь моя воля, я бы нынче порезал гончаровское многословие. Хотите убедиться в словесных излишествах? Том 2-й, глава «От Манилы до берегов Сибири»: «... с час отдохнули мы в прохладе и пошли назад. На этот раз путешествие показалось мне пыткой: идешь, идешь, думаешь, вот скоро конец, взглянешь вперед, а их целая необозримая площадь.. Неумолимый полдень жжет; зонтик и толстая соломенная шляпа мало защищают. Пойдешь в тень, под деревья...» - и читатель чувствует ленцу и барственную непоследовательность к цели. Кажется даже - читателя берут на измор, ну, скажем мягче - не берут, а приглашают на измор.

Еще пассаж: «Фадеев встретил меня с раковинами. «Отстанешь ли ты от меня с этой дрянью?» - сказал я, отталкивая ящик с раковинами, который он, как блюдо с устрицами, поставил передо мной. «Извольте посмотреть, какие есть хорошие», - говорил он, выбирая из ящика то рогатую, то красную, вот эту, а эта какая славная!» И он сунул мне к носу. От нее запахло падалью...»

Или, простите еще цитату, - о снах. «В продолжительном плавании и сны перестают сниться береговые. То снится, что лежишь на окне каюты, на аршин от кипучей бездны, и любуешься узорами пены, а другой бок судна поднялся сажени на три от воды; то видишь в тумане какой-нибудь новый остров, хочется туда, да рифы мешают...» ей-ей, докучливая болтовня, но, странное дело, вполне читабельная (словцо дурноватое, но точное).

Так бы и нам плыть, созерцающая два океана - Китай и Россию, говоря медлительные сло-

ва и сны раздвигая ладонью. Предаться неге путешествия и при том, как Иван Гончаров, быть уверенным в самоценности твоего участия в походе и самого похода. Ибо, что ни говори, а на дворе мирное лето 1993 года. Океаны наши дымят трубами деревенских кухонь; облепив берег, сидят возле воды китайцы, отмахиваются от оводов; а русские вполне смиренно восседают за колючей проволокой на скамейках, и пыльное солнце поливает округу.

Сергей Елистратов, капитан «Палтуса», выглядит удовлетворенным. Напряженные отношения с пограничниками стали привычными; горячее в машинном отделении (но также и на камбузе!) есть в потребных количествах. Федор Иванович, механик и рулевой, всегда багроволицый, с поста не сходит, держа перед штурвалом порцию ханьшина или русской водки, накрытой ломтиком черного хлеба. Родственники и знакомые по всему берегу у Федора Ивановича не перестают изумлять - они несут нам подарки: молоко парное или кислое, зелень, и Федор Иванович обнимает на стоянках молодых ребят, смуглых и чуть раскосых. «Сынки», - говорит он им. «Папа», - отвечают они. Мне приходится удерживать себя от излишней наблюдательности, я стесняюсь спросить героического моряка о его былых увлечениях...

Жители прибрежных сел все щедрее торгуют с нами: пошел урожай, что не торговать! На столе в камбузе постоянно молодой чеснок - любимое лакомство Федора Ивановича, огурцы, укроп, лук. Появилась картошка, правда, дорогая. Иногда мы добываем рыбы в притоках Амура и дивимся тому, сколь терпеливы китайцы с удочками на плоскодонках. Несколько раз жители спрашивали нас о таинственных целлофановых пакетиках с белым порошком, эти пакетики время от времени находят на отмелях. Спрашивали пограничников - те тотчас говорят, что по ночам китайцы проникают на русский берег и этим порошком отпугивают рыбу от нашего берега. Вот, оказывается, почему нет теперь рыбы на русском берегу Амура. Ну кто разоблачит эту ересь?.. Припоминаю рассказ, как в Албазине в одночасье исчезли ульи - после событий на острове Даманском пограничники пустили слух, что китайцы на своем берегу отравляют луга, и пчелы с

той стороны понесли заразу на наш берег... Опять надо ставить многоточие.

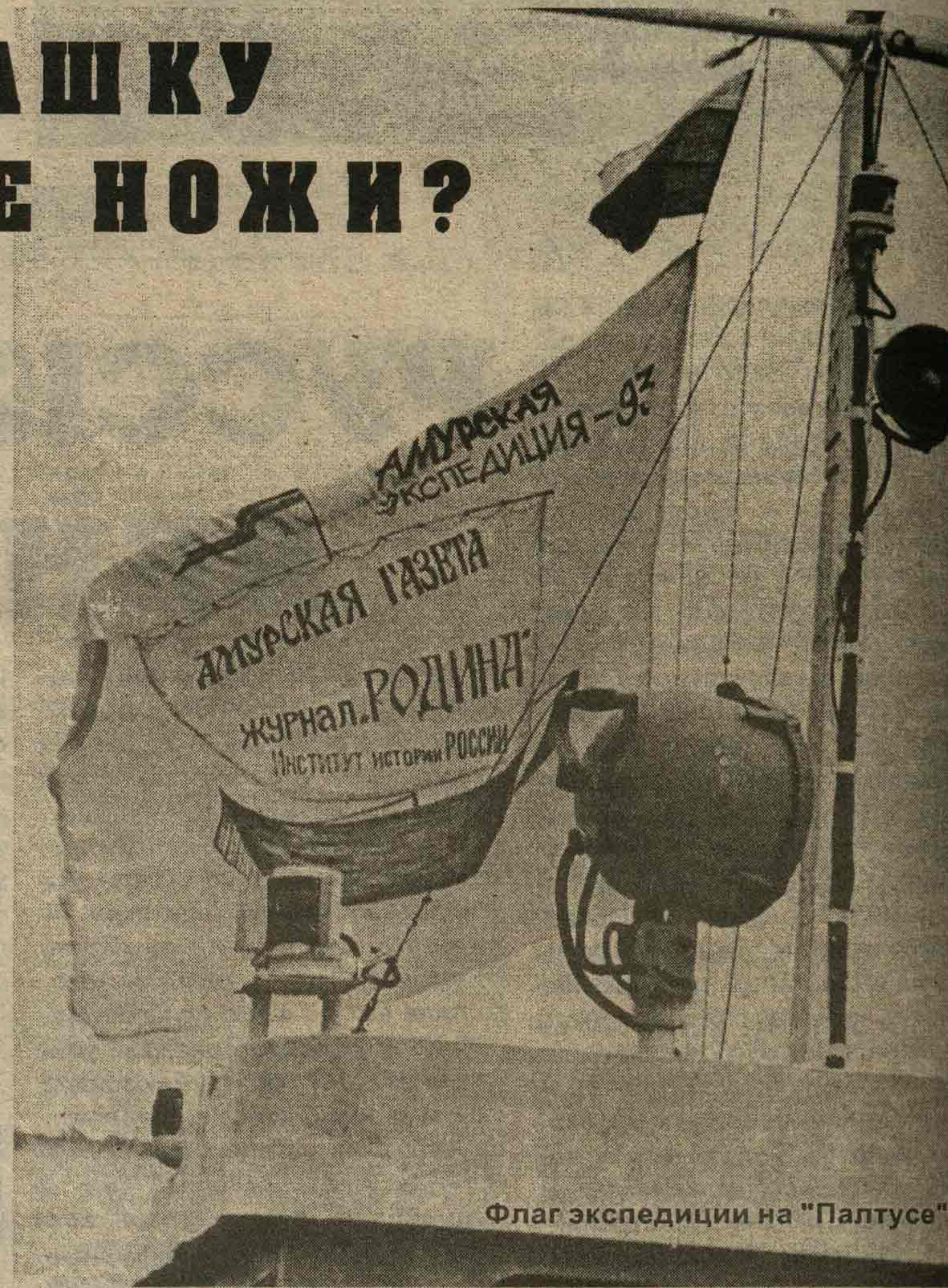
Не случайно заговорил я о питании. Забота о добротном питании была прямой обязанностью начальника экспедиции, и я старался, чтобы москвичи, вырвавшись на волю из очумелой столицы, не голодали. Но не хлебом единым жив человек...

На борту «Палтуса» установилась ровная атмосфера, течение которой лишь однажды я взорвал, проиронизировав над москвичами. Впрочем, пламя разномыслия тлело исподволь, и Виктор Петрович Грицюк, корреспондент журнала «Родина», еще в Албазине завел, что называется, наших историков тезисом о нерусской Москве. Что ж, если одних татар в Москве более четырехсот тысяч, то, наверное, Грицюк не разошелся с истиной, сам он, кстати, украинец, но резонно считает, что кровь у нас, русских и украинцев, одной пробы.

Вернувшись с Шилки, я не сразу угадал причину чопорной вежливости в отношении журналиста и историков. Оказалось же...

Грицюк, будучи убежденным славянофилом, открыл полное расстройство великого муравьевского предприятия (в самом деле, стоило ли оседлывать Амур и делать его казачьей рекой, если три поколения спустя все вытравлено, даже пчелы и те стали дикими) - и возбудил вопрос: кто и зачем вовлек наш берег в послеоктябрьские испытания? - ответ лежит на поверхности и кажется простым. Но Грицюк склонился к мысли, что русский берег подвергся уничтожению интернациональной командой, имевшей целью размыть самобытность казачьих станиц, опоры самодержавия.

Знаменательно, полемика разгорелась именно на албазинском пепелище, а великолепное собрание казачьих реликвий в албазинском музее наглядно демонстрировало убогость нынешней жизни в Албазине. От сути переживаемого в Албазине и на Амуре участники экспедиции пошли естественнейшим образом к новейшей истории России, позиции наши опять разошлись. Я говорю «наши» потому, что я не смог уклониться от полемики, хотя полемика была доброжелательная - мы все переживали катастрофу, наблюдая ее въя-

Флаг экспедиции на «Палтусе»

ве. Как я понял, Виктор Безотосный и Александр Куприянов прочитывали сожжение материка казачьей жизни фатально-неизбежно - Россия шла в никуда, изначально-де приговоренная судьбой к большевистскому эксперименту (и господин Пайпс убеждал в том москвичей. Но кто такой Пайпс? Никто). Нет, полагал Грицюк, в феврале и октябре 17-го года повинна либеральная интеллигенция, космополитическая, прозападная, равнодушная к «наготе смиренной» простого народа. Она революцию «делала» под себя и для себя, прикрывшись сначала демократическими, затем пролетарскими лозунгами, и сама же стала жертвой, прежде отдав на закланье народ...

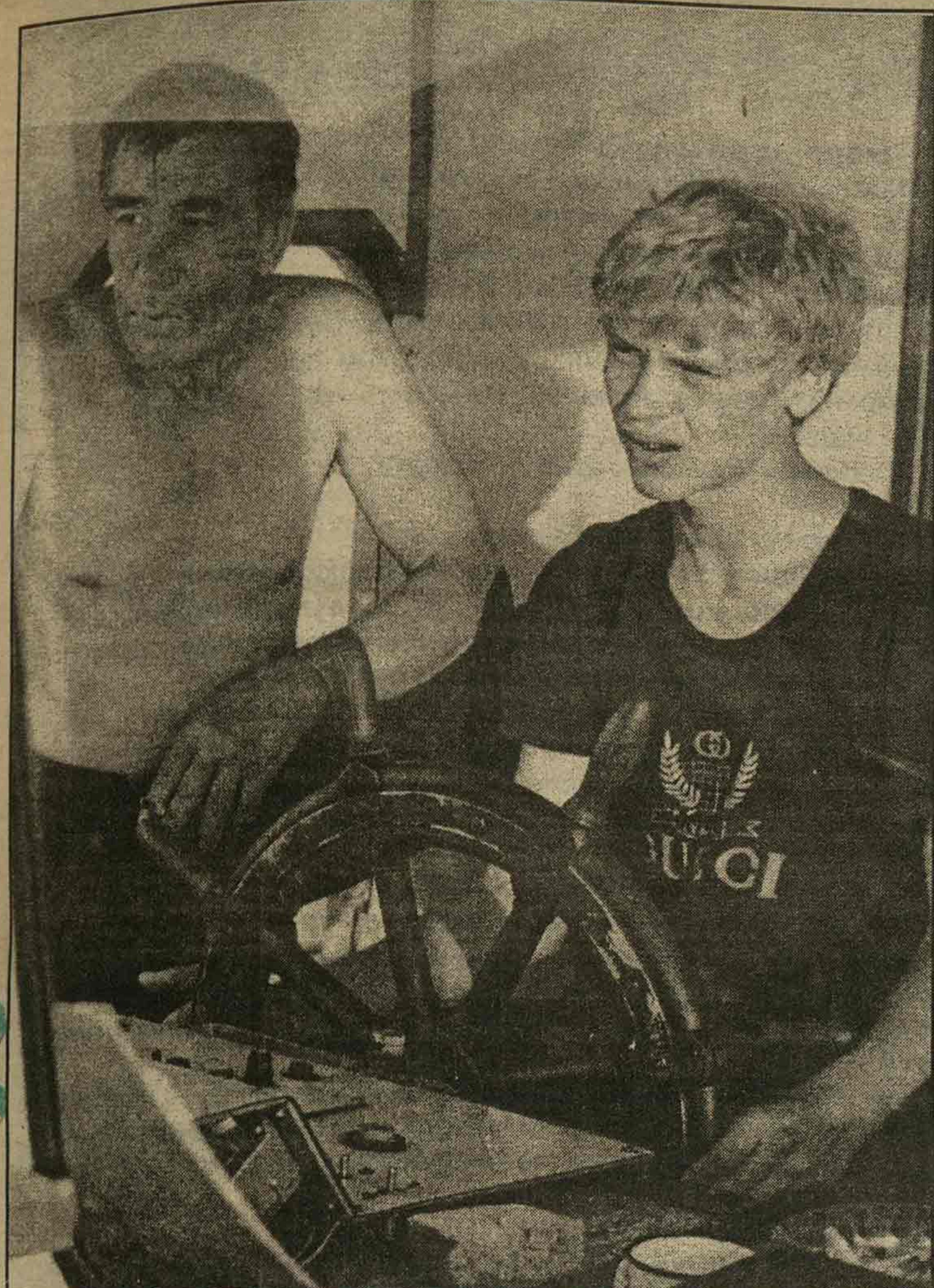
Но сын мой старший, Андрей, историк по профессии, отдал мне на обратном пути, в Иркутске, «Воспоминания» Павла Николаевича Милюкова. Изданные наконец-то в России. Советская традиция воспитала нас в пренебрежении к Милюкову, и напрасно. В книге множество поразительных подробностей конца XIX столетия - начала XX века. Милюков цитирует документ от 17 января 1895 года. Тогда, принимая делегацию земских дворянских собраний и городских дум, молодой монарх сказал буквально следующее: «Я узнал, что в последнее время в некоторых землях поднялись голоса, увлекшиеся бессмысленными мечтаниями об участии пред-

ставителей от земств во внутреннем управлении... Пусть каждый знает, что я буду защищать начала самодержавия так же неизменно, как мой отец»⁽¹⁾.

Поминая мученическую гибель царской семьи, мы печалуемся, и печаль наша свята. Но мы невольно создаем крен в прочтении некоторых предпосылок революции. А нежелание Николая II и его приближенных пойти на очевидные уступки и сверху гарантировать гражданские права подданных - разве это слепое упрямство не усугубило судьбу монархии и России?! И казачество оказалось между наковальней и молотом. А утренний край России разве не тогда был поставлен у пропасти, когда Николай начал противиться реформам Петра Столыпина?..

Собственно, это и есть общая канва разномыслия на борту «Палтуса»: только мы отыскивали одни причины кризиса - тут же находились другие, и получалось, что обе стороны правы. А тут еще противостояние властей в Москве, и трон Бориса покачивается. А будучи не уверенным в устойчивости президента, и сам становишься неустойчивым, на пошатывающейся палубе катера.

¹⁾ П. Милюков, «Воспоминания», Москва, Изд-во политической литературы, 1991 г., стр. 120-121.

Юнга Максим Трифонов, выпускник 9-й гимназии из Свободного, и Федор Иванович Якимов, рулевой и механик, в рубке.

Я невольно вспомнил сейчас о том, какие горячие споры вызывал в маленьком нашем оркестре курс Бориса Ельцина; можно подумать, что мы сорвались из дому, где были под надзором КГБ, как во времена Андропова отстраненные от общественной жизни, и будто бы ничему не научились на опыте предшествующих поколений.

Но казачья шашка, переданная из станицы Бибииковской в станицу Сергеевскую на сохранение, разрублена обезпамятевшими современниками на кухонные ножи, -наглядная метафора того, откуда и куда мы пришли.

А приехали мы в Сергеевку, в село, обреченное быть богатым. С директором местного совхоза Н. С. Беляевым выезжали в поля и были поражены изобилием дикой птицы - утки, удода, лесные (степные) голуби не боялись нашего "ГАЗика". Здесь, в пойме, на глубине ста метров геологи отыскали минеральный источник, почвы здесь плодородны, а озера полны рыбой. Но... казачья шашка разрублена на бытовые ножи, и я смею думать, что сергеевские учителя горьчайше правы в своих выводах о деградации народной жизни. Какая связь между сломанной казачьей шашкой и безочарованной жизнью, отравленной алкоголем? - Прямая связь.

Уже вернувшись из экспедиции, я поднял в домашнем архиве фотокопию «Статистического сборника» за 1920 год.

В годы первой мировой войны и гражданской смуты (шесть лет!) единоличные хозяйства почти не пошатнулись, снабжение сел и станиц инвентарем и сельхозтехникой не прерывалось.

К 1924 году казачьи станицы уже шли по статье крестьянских селений. Из книги «Крестьянские бюджеты Дальневосточного края в 1924-1925 году» (издано в 1927 году Хабаровском-Владивостоком) прослеживается устойчивое экономическое и социальное положение деревни. На одно хозяйство насчитывалось в среднем 5,5 головы крупного рогатого скота, приходные статьи превышают расходные повсеместно. По этой книге можно понять, что количество земель, сдаваемых в аренду, было ничтожно. Пройдет три года, апологеты раскрестьянивания придумают классовое расслоение дальневосточной деревни, а поскольку аргументов не было, то в ход пустили тезис о страшной эксплуатации русскими инородцев и о необходимости надления инородцев (имелись в виду корейцы) землей, т. к. - цитата - «широко распространенная сдача земель разлагает местного крестьянина» (Н. Жигадло, «Классовое расслоение дальневосточной деревни», «Книжное дело», г. Хабаровск, МСМ, ХХІХ. 1929). Никто не оспорил лукавый вздор, арба покатила уже - надобно было поставить мужика под неусыпный контроль партии

и ГПУ, чтобы в любой момент изымать из закровов хлеб, не платя рыночной ценой за труды.

Тут же надо уронить живописную деталь эпохи кануна коллективизации: на двор (семья не менее семи человек в среднем) в год приходилось восемь литров спирта или вина. То есть по 22 грамма в день на семью. А если в семье пятеро взрослых, то по четыре грамма. Сравните с иными, поздними, временами...

Период колхозно-совхозного диктата над душами людскими теперь понятно ассоциируется со словом «порядок». И когда за обеденным столом однажды мы сошлись в Сергеевке (мы -это директор совхоза, председатель сельсовета, глава сельской администрации, я и эколог), я спросил руководителей, чего жаждут и ждут они от центральной власти, ответ не замедлил явиться:

- Твердой и сильной руки, - сказал Виктор Григорьевич Мищенко, глава администрации, - она восстановит порядок.

- Какой порядок?

- Тот, что был, - отвечал честный Мищенко, - другого не знаю.

- Через насилие? - мой вопрос справедлив. Справедлив хотя бы потому, что новое поколение, вкусившее разнузданной свободы, не пойдет без насилия в старые загоны. И глава отвечал, стусевавшись: «Ну, зачем через насилие... Можно позвать и мирно...»

- Нельзя возвращаться назад, будет кровь, много крови, -сказал директор совхоза. - А надо идти постепенно в намеченную сторону, но исполняя указы. Но президентские указы не исполняются.

До роспуска конфронтационного Верховного Совета РФ оставалось два месяца, и показательно, что Николай Сергеевич Беляев, будучи хозяйственником, понял насущность прекращения двоевластия.

Пребывание наше в Сергеевке омрачено гибелью пастуха. Верхом он пошел через Маньчжурку, лошадь оступилась в яму. Сцену наблюдали издали выпивохи, никто не кинулся к речке: выплывет-де. Но молодой пастух не выплыл.

Мы снялись с якоря и пошли в Марково. Марково огромное село под боком у Благовещенска. Амур насупился и вкатиł свои воды в равнинное село, подтопив огороды. Мы оказались отрезанными от центральной части, и нас перевезли в собственно Марково на огромном «КрАЗе», метровой высоты колеса заливали вода. Удивительно, в селе

не было паники. Но в экстремальных условиях совместно вести обычный наш опрос, мы ограничились беседами, осмотром приусадебных хозяйств. После богатой Джалинды, где морская база, Марково показалось мне не менее богатым селом с не менее богатыми магазинами. Разумеется, сказывается близость областной столицы.

Из сельсовета я дозвонился в город сестре. Она сообщила радостное - мой маленький Митя недавно оторвался от дивана и наконец-то пошел, в Глебова на Волге, где Майя с сыном остались на лето у бабушки. Лето на Волге не такое ослепительное, но теплое.

Беседа с Юрием Михайловичем Гриценко. Ему 36 лет, во главе Совета он пять лет, стаж приличный по нынешним временам. Видно, что он владеет ситуацией. Но жалобы на жуткое пьянство. В семьях нехватка средств существования из-за дороговизны водки. Так не пейте - вот выход. «Не могу не пить». «Горбачев был прав, начав борьбу против алкоголизма, пьянство - гибель».

Сейчас я нашел в походной тетради записи бесед с десятком марковцами, из них самому старшему за шестьдесят, младшему - девятнадцать. Ни одного коренного. Трое вполне осмысленно говорят о том, что казачество достойно возрождения из праха. Двое сказали - «да нам все равно, казаки, бузаки, тузаки». А пятеро так и вообще не могли по-

нять о ком речь. Из этих десяти трое говорят, что надобно остаться за колючей проволокой, а семеро надеются, что у такого большого села участь могла быть более пристойной (в Марково 500 дворов и более полутора тысяч народу, средний размер приусадебного земельного участка 18 соток).

А у марковского совхоза (имени «50-летия СССР») много пахотной земли и сенокосов, в том числе суходольных. Но усиливается вторжение горожан на совхозные земли, горожане все более моторизируются и намерены отвоевать у Маркова несколько тысяч гектаров плодородной земли. Если благовещенцы станут строить капитальные дома и подворья -то, может, это и к лучшему.

Вообще же есть ощущение остаточной добротности и в марковцах, и в облике села (с асфальтом на Амурской улице), и в местных начальниках, несуетных.

Теперь, пройдя большую часть пути, можно припомнить столько встреч с жителями прибрежных сел, с военными, но также и с руководителями. Положа руку на сердце, могу сказать - в большинстве своем руководители сел и станиц оставили благоприятное впечатление. Нет официоза, нет фанфаронства - а есть «раздумья складка на челе», есть и одержимость в работе, и сочувствие к старикам и хворым.

(Продолжение следует).

Фото ЛИ ДЕН ЧЕРА.

Участник первых сплавов по Амуру 1854-1856 гг. казак Иван Метелкин ста лет от роду, сподвижник графа Муравьева-Амурского.

► Борис ЧЕРНЫХ

РУССЕЖИЙ БЕРЕГ

Из путевых тетрадей. Публикация восьмая.

МОЙ БЕЛЫЙ ГОРОД

В Благовещенске нас ждали письма родных. Я заперся в комнате у сестры и прочитал раз и два строки о маленьком Мите, все время помня картину: в Глеbove, на Волге, я ухожу под откос и оглядываюсь, а Майя и Митя смотрят вслед - будто я ухожу в бесконечное странствие. «С любимыми не расставайтесь и каждый раз на век прощайтесь, когда уходите на миг»... Боже, как необъятна Россия! Слово с далекой планеты летят на Амур легкие конверты, овеванные грозами, и мои письма преодолевают пространства (хорошо, если их не перлюстрируют все те же лица, прикрытые вуалью нынешней демократической благопристойности). У русских пространств есть толика возможности ощутить себя независимым космосом, а нам ощутить пространственную истому. А чужаки гадают, отчего русским свойственна несобранность, и почему, когда другие народы уже давно запрягли и едут (тут пассаж Бисмарка не убаюкает меня, мы еще только ощущаем упряжь. А потом глотаем пыль цивилизации, догоняя других. Уж лучше бы отстать...

Митя сказал «папа» и, присев, пошел по двору на корточках, говоря «га-га» (мама научила), и трогал Соколика, старого жеребца глебовской больницы, и босиком пробежался по мокрому песку у Волги. Митя, радость моя, Майя, пресветлое мое, догадываетесь ли вы о том, что думаю я сейчас посреди родного города? Благовещенск в зеленом наряде, много тени на широких улицах, много солнца, перебиваемого слепыми дождями. Асфальты дымятся, пахнет пивом. В светлых одеждах местные жители необычайно красивы (как ты красива, Майя, в украинской разлетайке!).

Вообще, мне нравится помесь славян с глубинными азиатами. Смешение крови создает гремучий состав и известную непредсказуемость характера. Почти полуторавековая связь русских, украинцев и китайцев должна убедить нас, что антропогенные страхи здесь, на Амуре, неуместны. Всмотритесь в коричневые лица, исполненные достоинства и покоя...

А музыка - Благая весть, изначально положенная в название города, музыка опекает дни и ночи, которые выпали нам нынче (пока на профилактическом ремонте стоит «Палтус»), и я придумываю - для Тебя, любимое - достоинства городу и горожанам фантастические.

В Благовещенске хорошо помереть. С давних пор русские города я невольно делю на: здесь я хотел бы похороненным быть, а здесь - нет. И это лучший ответ на вопрос - твой ли это город. Благовещенск - мой город. В простреле широких улиц, в приземистых домах, каменных, но более лиственных, в абрисе тихой набережной и даже в белом облике Хэйхэ, китайского посада на том берегу, - всюду не сердцем даже, а предсердием узнается малая родина, пригнетельная межумочными обстоятельностью и все еще под пятою тай-

ных сил, укрепившихся за семьдесят лет столь прочно, что не скосырнуть их наскоком. А тайные эти силы сберегают порочные связи и повязывают не только коммерческие структуры, но и талантливых одиночек сетью двусмысленных отношений и обязательств, сулят блага или, напротив, беду - смотрите, мы вас предупредили.

Мне показали микрорайон, где новоявленные амурские миллионеры строят богатые особняки в 2 и 3 этажа. И понадобилось несколько минут, чтобы понять, какая улица в Благовещенске закрыла глаза на беспредел. Заканчивается перераспределение национальных богатств и власти, но там, за дальним прицелом, грозная улица поставила реальную задачу удержать невидимое влияние и сохранить кастовые привилегии. В конгломерате сил, умело манипулирующих всяческими приватизационными, огромными, средствами, кроме мафиозных новичков участвуют и бывшие компартаблантики среднего звена. Так что, если у вас хотя бы махонькая была червоточина в прошлом (ссорились с аппаратчиками, а при Горбачеве, сорвавшись, угрожали им разоблачениями) - будьте уверены, вас не подпустят не то что к пирогу, вы не войдете в малую долю, вам не дадут поселиться даже на Театральной улице; и любой новый глава областной или городской администрации покажет вам советский оскал фарфоровых зубов, снизойдя до минутной беседы, - и не ищите среди

щенск, что Владимир, что Владивосток, что Иркутск, что Ярославль - почти всюду у власти корыстные.

В мою задачу не входит писать разоблачительную сагу, речь о явлении как таковом. А явление посткоммунистической России сулит испытания, в иных государствах названные откровенно - периодом первоначального накопления капитала. Вы скажете, Амур - окраина России. Но Амур также и окраина Китая, а там, в Китае, быстрыми темпами идет капитализация со спецификой отнюдь не конфуцианской¹⁾. Один благовещенский богатч, с помощью уже современных властей вписавшийся в окологосударственные распределительные каналы, с завистью сказал мне: «Вот компартаблантик на том берегу. Гостил у него. Обедали, пили вино, смотрели его объекты, - компартаблантик оказался предпринимателем («специфика Китая!») - Б. Ч.), - затем беседовали с ним и о нем. Никакого ложного смущения. Чувство правоты в пове-

дении. Самое поразительное - простые китайцы говорили о нуворише с почтением и гордостью: «Наш богатч».

Мышли неделями от Шилки и Аргуни, и, стосковавшись по городу, пришли в Благовещенск, - но нигде и никто не сказал нам с вожденной гордостью: «Вот наш богатч», - а всюду мы видели если не завистливые, то презрительные мины на лицах старожил и слышали полузатенные и даже открытые угрозы в адрес односельчан, кои решили выделиться из так называемого «коллективного хозяйствования» (беру в кавычки по вполне объяснимым мотивам - коллективного хозяйствования в России не состоялось) и уйти на вольные - рискованные - хлеба. Таков один из главных итогов большевистской обезличенной доктрины, приучившей народ паразитировать на том, что «все вокруг мое».

И никто за три года без малого не удосужился сказать народу, куда повернут государственный руль и зачем, и во имя чего. «Отпустили цены» - единственная фраза, оброненная сверху народу, мигом обобранного до нитки. Но неужели прежде нельзя было создать фонды поддержки стариков, больных, детей? А следом на телевизионный экран приходит милый толстячок в бабочке и лепечет, лепечет: «Волка бояться - в лес не ходить», «Не так страшен черт, как его малюют», - но и волк, и черт оказались беспощадны. Правда, через год страхи опали, и показалось нам, что ничего, может быть, и устоим. Так, сестры мои старые, благо-

вещенские, сменили испуг на ожидание чуда. Ну, год, два надо продержаться. Но обвал продолжается. Теперь насущен разговор с нацией. Насущна посконная - понятная народу - иде-

логия реформы, надобна сердечная обращенность к домашней сути стратегического замысла. Ибо отказ от Ангол, Эфиопий, Афганистанов означает не что иное, как возврат к сугубо внутренним заботам и делам, к домашнему обустройству родины. Именно об этом писал Александр Исаевич Солженицын. Почему Горбачев и Ельцин сделали вид, что не услышали его? Хуже того, почему они не услышали народного вопля? Почему они не внемлют совести нации - бывшим политзаключенным (а мы с политзэксовских съездов и по одиночке писали им)?

Но если они не услышали Солженицына и нас, прошедших последние круги ГУЛАГа, если они не внемлют народу, то кого они слышат?

Наконец, при всех внутренних противоречивых церковных условиях, - из лона православной церкви идут настоячивые призывы соборно высвободиться из пут тоталитарной атеистической Горгоны, сообразуясь с тем, что добрая треть нации - это не столько (и не только) холопы социализма, но и героические мученики, сохранившие достоинство России. Воистину, пройдя через трудармии и ссылки, через фронты Отечественной и зоны, разве мы не сберегли достоинство России? В те самые десятилетия, когда опричники топтали и унижали родину, народы огромной державы сохранили в сердцах любовь к правде, к чести, и толику мой род вложил в сокровищницу. Мы пронесли почитательное уважение клучшим отечественным заветам.

них честного народа, не ищите вчерашних отверженных - высколобых умников, бескорыстных и опасных именно своим бескорытием. Тут что Благовещенск, что Владимир, что Владивосток, что Иркутск, что Ярославль - почти всюду у власти корыстные.

1) Центральное место в учении Конфуция (551-479 до н. э.) занимает концепция «жэнь» («человеколюбие»), представляющая собой систему идей «Чжун» («справедность государю»), «И» («верность долгу»), «Сяо» («сыновняя почтительность»), «Куань» («великодушие»), «Ди» («уважение к старшим») и др., - взято из «Философского словаря», 1987 год, Москва, издательство политической литературы. При Мао идеи Конфуция подверглись разгромной атаке слева, но теперь они негодны правым, и это понятно. Нам, в России, тоже не надобны моралисты христианского толка.

Но стоя с поникшим челом в приемной у лощеного компартработника (а лощеный - бывший компарработник - теперь мэр, вот метаморфоза!), что думаю я о сути переживаемого Россией? И отчего я должен доверять мэру нравственное поле Отечества, доверять утлые сердца моих сограждан и эти пажиты, эти подвалы и коммуналки, эти сирые избы современников? Судьбу моего маленького сына - скоро он окажется полусиротой? Ежели лощеный мэр не слышит меня (а я деликатно стучусь к нему) - да, он не слышит меня, коего, спасибо Тебе, Господи, знают в ближних и дальних ведах России, но кого он тогда слышит?

Но оглядываясь в дооктябрьские времена и улицы Благовещенска, не обнаружим мы и там нечто похожее:

добирались до Гонконга (средди кожевенников был славен прадед капитана Шаткова). Лучшие залежи в Зейской долине подняли вольные пахари. Редко кто из наместников отмечался здесь перелетной птицей. Посланцы царя оседали на Амуре надолго, роднились с казачьими и войсковыми офицерами, строили дома и загородные дачи. Экая глупость - горожане не удовлетворились библиотеками и кинематографом, они построили театр драмы. Я нашел в архиве репертуар того театра - много простонародных, банальных водевилей. Но идеологической и эротической пошлости, которая полилась с подмостков Амурского театра драмы позже и льется ныне, не было. Кому-то из последних амурских партвождей пришла безумная мысль доверить проектирование

хранил облик губернского города, поэтому всегда чуждыми выглядели на его площадях изваяния бесов и кровавые стяги, как бы подчеркнутая собственная инородность прежнему, нравственному, содержанию общественной и личной жизни горожан.

Мне приходилось ранее говорить о Благовещенском педагогическом институте им. М. И. Калинина⁽²⁾. Это учебное заведение имеет заслуги, здесь формируются учительские кадры для средних и восьмилетних школ области, качество подготовки предметников всегда в институте было хорошее. Не только меня, но и детей моих друзей учили и ныне учат выпускники Благовещенского педагогического. Филологи, языковеды, естествоиспытатели - превосходные. Письменная моя речь обязана некоторыми достоинствами Ва-

очага, малой родины, национального предания. Однажды (в 1988 году) уговаривал я одного студента педагогического института не оставлять в одиночестве деда, немощного, осиротевшего в одночасье (сын - отец студента - умер скоропостижно, следом умерла жена - старуха, бабушка студента, а дочь старика, тетка студентова - увязла с семьей в Риге, дети ее оказались полуплатышами, и Россия для них чужда). Избалованный отпрыск образованцев отвечал мне:

- Что вы назидаете: не принято-де у русских бросать стариков! Извольте, я не русский! - наверное, на сухом благовещенском кладбище отец его, Юрий Иванович, ворохнулся в гробу.

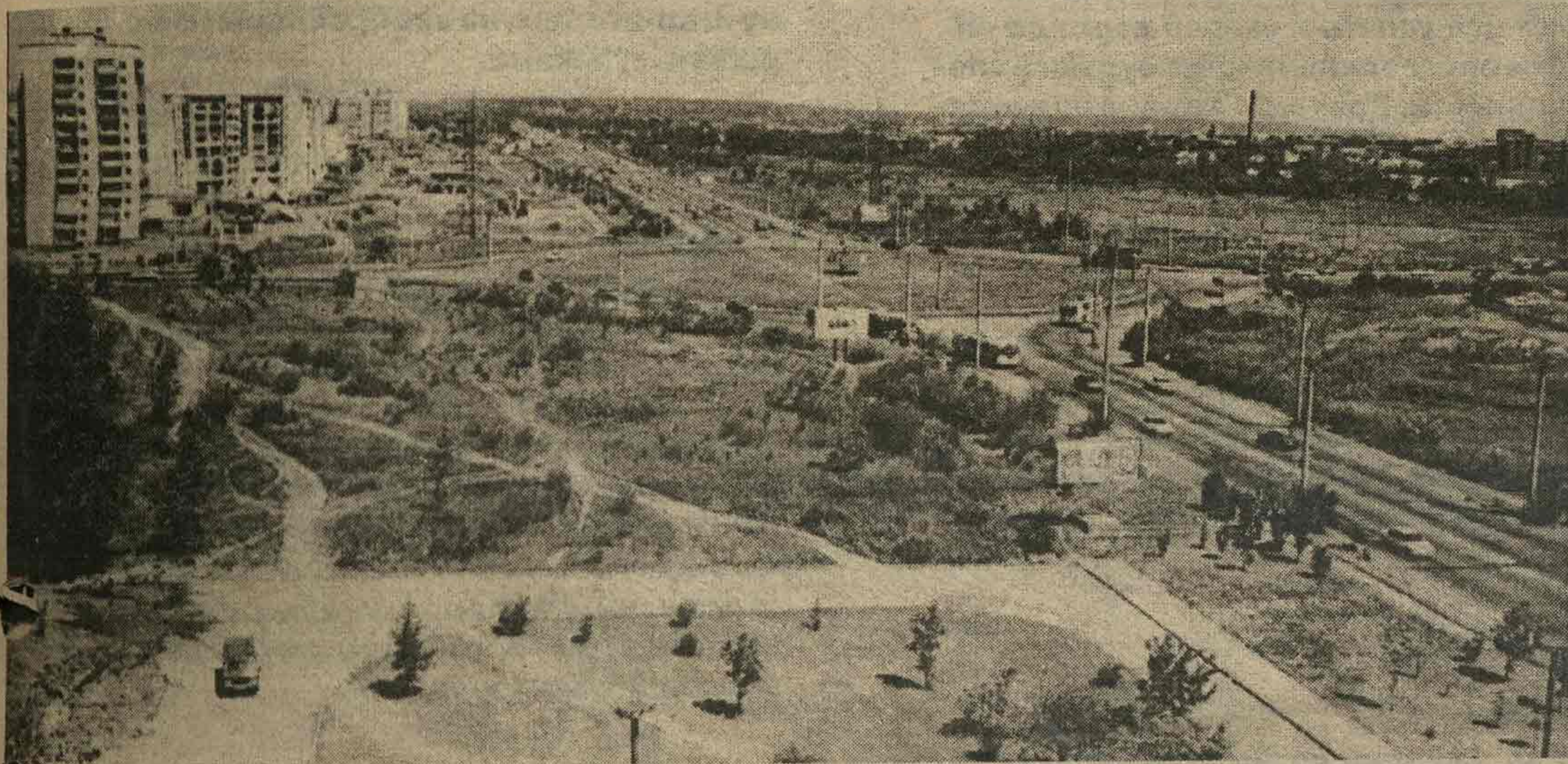
Я попытался воздействовать на юного космополита, будущего китаеведа, но меня не понимали.

регу. Но, впрочем, похожая картина и в материковых городах России. Но разве быть приверженным основам подлинной демократии не совместно одновременно с тем, чтобы быть русским и гордиться лучшим, что заповедано нам?

Но медленно, исподволь поднимается в городе Благой вести племя молодое, в котором просыпается любовь к ветхозаветному, посконному. Они - избранные в юном поколении, их мало потому, что большинство купается в фонтанах эротики, пустой политической болтовни. Но они появились и подрастают, чтобы взять на свои плечи груз оптимизма и покаяния за грехи предков.

(Окончание следует).

Фото М. АБДУЛИНОЙ

блягов, случайных проходивцев, лиходеев с докторскими степенями? Заполнили, поди, они горнорудную молодую промышленность, судостроение, агрономию и т. д., и т. д.?

Прочитав десятки томов и разворошив сотни архивных дел в Томске и Благовещенске, я убедился в том, что город бурно рос и укоренял себя добротной, город как на опаре возвращал собственных подвижников. К 1910 году благовещенская мукомольная промышленность стояла почти вровень с Саратовом и Нижним Новгородом. Транспорт и торговля развивались сказочными темпами. Десятки пароходов дымили на Амуре. Ремесла процветали, кожевенники соперничали со всей Азией, вывозя продукцию за Амур,

нового здания драмтеатра инопланетянам, и вот стоит на берегу Амура космодром с радарными устройствами. Крик моды в стиле Корбюзье, с разинутыми пастями проломов - недостроенный, а сотни миллионов рублей успели вколотить в нелепое сооружение...

Но по строгости и простоте архитектурного замысла, по воплощению его, Благовещенск может соперничать со старыми городами Сибири, хотя и моложе их (рескриптом Александра II станция Благовещенская объявлена городом 17 июля 1858 года). До первой мировой войны здесь построено много церквей, а по области около пятисот, через семьдесят лет осталось менее десяти. И тем не менее Благовещенск со-

лентине Васильевне Ж-ко, но и после Валентины Васильевны в нашу школу - в Свободном

- приходили словесники с той же высокой степенью филологической оснащенности. Но сознание наших гуманитариев поражено интернациональными перекосами, мы каждодневно и ежечасно призываемы были любить не бедных крестьян Сергеевки, или Гащенко, или Малой Сазанки, а китайских кули, мадьяр или «вконец забитых» рабочих Бруклина. И нынешнее поколение учителей (благодаря все той же институтской профессуре) - вовсе не русские учителя. На них лежит печать прежней отчужденности от вековых истин домашнего

Во всевозможных справочниках и пособиях по истории Приамурья наличествует имя известного ученого, до недавних пор апологетически прославлявшего коммунистический режим и «совпартстроительство» (подумать - экий термин нашли). Осознав многолетнюю игру, доктор усомнился и перешел в лагерь демократический, но он так и не осознал себя историком отечественной традиции (собственно говоря, почти весь «демократический лагерь» таков - наши демократы в большинстве присягают абстрактным истинам), вот и наш историк как черт ладана боится русского на русском бе-

P. S. Эти записки были уже написаны, когда пришло сообщение - Владимир Полеванов, глава администрации Амурской области, год отдежуривав на ответственном посту, умчался в Москву на повышение. Чубайс-де вызвал. Старая песенка про карьеристов. Куда благороднее выглядит отставленный и консервативный глава областного Совета Анатолий Белоногов.

Смею сказать - первая и единственная фраза моя о Полеванове, когда я увидел лощеную его физиономию на экране телевизора, была: «Лицо карьериста».

Еще один горький урок жителям Приамурья.

► Борис ЧЕРНЫХ

РУССКИЙ БЕРЕГ

Из путевых тетрадей. Публикация одиннадцатая

Поярковское «сидение» дало много впечатлений, часть я успел записать, а сейчас надо продолжить. Между прочим, я рассказал в той главе о руководителе администрации Михайловского района (с центром в Пояркове) Виталии Алексеевиче Могильнике, назвав его К о п ы л ь н и к о м из соображений деликатных. Виталий Копыльник (Могильник) силен и характером, и убежденностью в правильности возвратной дороги. Куда же решил вернуться Могильник? В 1912 год. Тогда, перед Первой мировой, в Приамурье все отрасли экономики шли стремительно на подъем. Высокий жизненный уровень стабилизировался. К тому уровню никогда мы не смогли приблизиться все семьдесят лет советской власти.

Не забыть бы сказать, что тогда кооперативное движение (прежде всего в сельском хозяйстве и на рыбных промыслах) делало уверенные шаги. Позднее успехи в кооперативном движении припишут себе социалисты...

Не смею перегружать статистическими выкладками мое повествование, но убедительность неуклонного роста в начале столетия не вызывает сомнения у историков. Еще и потому вариант казарменного режима, замаячивший в годы гражданской смуты, кажется произвольным и марсианским, фантастическим.

В. А. Могильник на посту главы района успел сделать то, что едва ли кто сумеет опровергнуть, даже если вернуться к власти правые и даже если вдруг золотой дождь прольется на Амур. Именно при Могильнике урожай зерновых и сои, в частности в частных хозяйствах превзошли лучшие совхозные показатели. «Вот только бы торговать им (частникам) научиться, да упростить отчетность в двадцать разных органов», - говорит Могильник в беседе с корреспондентом «Амурской газеты», под чьим флагом шла наша экспедиция. Но интервью дает уже отставной глава - в марте с. г. (1995) Могильник ушел добровольно с поста, на котором посадил сердце. Новая власть на Амуре - она лишь номинально новая, и не хуже старой любила и поощряла доносы (и поощряет, - скажу в скобках, - это я знаю и на Волге, где бывшие компартийные бонзы, проравившись на государственные посты, окружили себя профессиональными доносчиками). Сам по себе феномен доносительства заслуживает не только отдельного разговора, но и правовой проработки. Уж не говорю об этической, об антиэтической подоплеке столь тяжкого наследия прошлых времен. Не стоит забывать, что графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому «помогли» уйти в преждевременную отставку сиятельные стукачи. Что же говорить о доносчиках-атеистах.

Уход В. А. Могильника «вызрел» медленно и мучительно, - пишет «Амурская газета». - Он не захотел быть объектом злорадства. В вину ему ставили все, что могли, и оказало, что могли много. Особенно доставалось от верных партийцев, которые не стеснялись протоколировать даже сплетни о нем и смело направляли их в различные инстанции.

- Я приглашал к себе всю ячейку («коммунистическую», - надо бы открыто сказать «Амурской газете», но обстановка на Амуре уже вплзла

в подцензурные условия, и корреспондент не договаривает правды). Пожалуйста, говорил, вы ратуете за совхозы? Идите туда руководителями, я не возражаю. Покажите, как будете хозяйствовать, поднимать дело. Если что, согласен даже поучиться у вас. Вы будете нашим примером.

- Отказались?

- Конечно. Стоять в красивой позе борцов за народную долю куда как удобнее.

И Могильник ушел. Теперь в Михайловском районе, именно в знаменитом Пояркове, надо ждать ползуей реставрации прежнего уклада жизни, при коем о совмещении и соревновании укладов и думать не могли, ибо коммунисты, перелицевав одежды, пытаются забрать исподволь все ключевые посты на Амуре...

Итак, мы снялись с якоря и пошли к последним селам. Негласный договор с хозяином «Палтуса» подразумевает завершение путешествия в Сагибове, это село, пограничное с Еврейской автономной областью. Далее я могу один или со спутниками передвигаться на лодках или полупутным автотранспортом, что создаст много неудобств, и вообще нереально. Ах, ежели бы богачи профинансировали меньшую часть путешествия, от Сагибова до Хабаровска, в грядущем году. Но Россия вошла в полосу тяжелых политических испытаний, загадывать хотя бы на год вперед рискованно. Но давайте посмотрим с иного боку. Мы прошли путь, значительно превосходящий тот отрезок, что остается и останется непройденным. Можно ли по большей части с достоверностью судить о целом? Согласно элементарной логике не только можно, но и должно. И ежели, пройдя Амур от слияния Шилки и Аргуни до Сагибова, мы наблюдали картины, далекие от мажорных, то почему ниже по течению должно быть благополучнее? Нет, господа, разведка доносит обратное. Ехиды скажут: у евреев не может быть хуже, они всегда извернутся и поставят дело хотя бы потому, что не подвержены нашей губительной привычке к спиртному. Но я уже говорил

ранее, что евреев-то в Еврейской автономной области с гулькин нос, что не мешает им ставить вопрос о создании еврейской республики вместо области. Но с выводами подождем. Нам осталось совсем ничего, вон, видны избы на берегу - это Калинино.

Этнограф Сергей Васильевич Максимов еще на заре колонизации края говорил о том, что станицы за Поярковом «прожили под благодетельным пособием маньчжур, которые весьма охотно (несмотря на запрещение начальства) продавали казакам муку и будо (круп)». Коренные орочи (орочены, - называет их С. Максимов) скоро предпочли русских и стали им сбывать лучших соболей, но по приказу маньчжурского нойна их села сожжены были...

О казаках процитирую то, что заслуживает доверия: «Казаки здешние как будто развязнее, смелее, разговорчивее, нет натянутости в движениях, опасности в разговорах и ответах; одеты довольно чисто и опрятно: оборванцев почти не видно вовсе. В добрый час!» [См. С. М. Максимов. На Востоке. Поездка на Амур в 1860 - 1861 годах. Дорожные заметки и воспоминания. Санкт-Петербург, 1864 год.] Тогда Максиму исполнилось всего 34 года, он еще только разворачивался в качестве бытописателя и этнографа. К свидетельствам молодого и говорливого, но, кажется, объективного путешественника нам придется еще обращаться, а пока сойдем на берег. Местный начальник не очень охотно оторвался от домашних хлопот (мы нашли его дома) и согласился на беседу. Да и то сказать, пристали к человеку, когда жара сморила округу, и Николай Дорофеев прятался под навесом, пока псы, подняв жуткий лай, не вывели его к нам. Вот что он рассказал, когда на его легкой машине мы приехали в сельсовет:

- Совхоз наш «Винниковский» (названный в честь одного из колонизаторов, что само по себе удивительно) разошелся на несколько хозяйств.

Показалось громоздко хозяйствовать всем вместе. Теперь здесь три хозяйства, собственность коллективно-долевая, у каждого свой расчетный счет. Общесельские объекты не делят - зерновой двор, котельную, клуб и пр. Но семьдесят человек оказались на распутье, не у дел, никто их не прогонял, сами себя поставили вне дел. Пьют, наркоманят. В 80-х годах шоферы из Приморья завезли дурную привычку и научили курить травку, так и пошло.

А вот данные собственно по хозяйствованию. Из шестисот фуражных коров осталась половина. Падеш. Окрик не помогает, люди дурно относятся к работе. Необходима строгость.

Н. Г. Дорофеев категорически «за» колючую проволоку вдоль Амура и там, на задах пограничных сел. Необходимость колючки он объясняет просто - иначе с конопелькой не справиться, а дикий виноград (здесь уже растет дикий виноград) и лимонник толпы пришельцев изведут окончательно. У селян нет лодок. Хорошо это или плохо? Хорошо. Нет искушений слетать за ханшином на тот берег. Но раньше лодок здесь была тьма. «Никогда не было», - убежденно отвечает Дорофеев. «Да при казаках, до тридцатого года», - говорю я. «Я не жил тогда», - отвечает глава администрации Калинина и председельсчета в одном лице.

По этой речи я увидел еще раз, что новая власть не умеет, или не способна внятно объяснить, растолковать, внушить надобность в коренных понятиях: что есть хозяин судьбы, села, хозяин в районе и на всем русском берегу? С чего надобно начинать, чтобы вернуть уверенность себе и вернуть собственное достоинство? Речь опять идет об идеологии реформы, если согласиться с тем, что непутевость, наблюдаемая нами от Шилки до Калинина, за редкими исключениями, и есть реформа. Речь о главных и заветных целях, о путях достижения целей.

Мы решили пойти по селу. Магазины в низовьях должны быть богаты, ведь здесь река работает всерьез,

между Благовещенском и Хабаровском. Но в Калинине магазины пусты, как и в верховьях. Что мешает главе сельской администрации озаботиться обеспечением села товарами? Когда на попутных судах можно завозить все, что душа пожелает, из областного центра? Ничто не мешает, кроме лености. Даже в коммерческом ларьке ограниченный выбор товаров. Мы купили буханку хлеба - хлеб оказался трехдневной давности, черствый. Нет постного масла, хотя бы соевого, местного. Нет даже лаврового листа и соли.

Мужики у комбайна (комбайн пригнали, «полетела» передача) сразу кинулись объяснять, отчего в Калинине бедные магазины и на подворьях бедно («а мы и дома телепаемся с квасу на воду»), - оттого, что нет сильного начальства. «То есть нет крепкой руки?» - «Нагайки нет», - был ответ, не впервой слышимый нами.

- Так назначьте атамана, раньше на три года выберут станичного атамана, он и правит, наказывает и награждает. Если круг избрал, надо терпеть три года. Зато власть! Зато «нагайка». И порядок.

Молчат. Оказывается, утрачено само представление о том, что могло быть и было такое: из своей среды брали верховодника и не скулили, коли тот оказывался чрезмерно властен.

З а годы советской власти они привыкли к присланному начальнику. Присланный заворачивал гайки - на то и был прислан, с ним детей не крестить, с него взятки гладки. Но совсем иначе было на берегу, пока берег был русским по духу - детей казаки крестили вместе с атаманами, зазывали в крестные, равно и на венчания и на отпевания усопших. Строгой иерархии отношений в станице это не нарушало.

Затем я беседовал с молодым командиром погранзаставы. Закончив училище, прибыл сюда недавно. Наивный, совершенно не подготовленный к Амуру офицер. Не знает русской истории, не знает истории края.

В почтительном молчании прошли мы устье реки Буреи, «устье ее замечательно широко и едва ли меньше устья Благовещенской Зеи», пишет С. В. Максимов. Он же свидетельствует о большой трактовой дороге по китайскому берегу от Айгуна до Буреи. Бирары, особое ороенское племя, истаяло при коммунистическом братстве народов, и до нас уже не дошли слухи об охоте в этих местах, некогда сказочно богатых. «Сюземная река», - по тогдашнему отзыву казаков в книге Сергея Максимова (то есть богатая промыслами и зверьем), - перестала быть сюземной. Теперь здесь берут уголь и строят гидроэлектростанцию. Слава Богу, не атомную.

За Буреей - равнина долгая. Скоро мы станем в Иннокентьевской станице. Об Иннокентьевке географ Александр Кириллов сообщал сто лет тому назад: «в 264 1/2 верст ниже Благовещенска, основана в 1858 году и названа по имени Иннокентия, архиепископа Камчатской епархии, впоследствии митрополита Московского».

В 1859 году в ней было дворов 50 и жителей 228 душ об. пола, в 1869 году 54 двора и 273 души об. пола, в 1879 - 52 двора и 370 душ об. пола и к 1 января 1891 года числилось: церковь Воскресения Христова, построенная в 1862 году, школа, почтово-телеграфное отделение, станичное правление, хлебный магазин, дворов 57, жителей 186 мужчин и 156 женщин. Обработанной земли 189 десятин (под огородами), лошадей 204 и рогатого скота 300 голов. «Затопляемая во время разлива Амура местность, - пишет А. Кириллов, - и из года в год повторяющаяся сибирская язва губительно отражается на экономическом состоянии населения станицы и вынуждает жителей ее переселяться в другие места» (Благовещенск, 1894 год, типография т-ва Д. О. Монины и К'). Зная сей отзыв, мы ожидали увидеть двадцать мазанок и похилившийся сельмаг. Но оказалось, жители, потому что первых поселенцев, не сдались реке, перед нами было большое, размашистое село, со следами крепости в иных подворьях, с клубом и обихожными улицами, с красивыми, хотя и запущенными, палисадами.

Иннокентьевка полна контрастов: Нынче народу проживает здесь в три, нет, в четыре раза больше, чем проживало сто лет назад, но из 350 семей сколько непьющих? Здесь я впервые услышал дикое понятие - пьющая семья. Но никто не мог придумать новое понятие, его родила идущая под откос жизнь. Извольте узнать: триста семей ежедневно потребляют алкоголь, соревнуясь, кто больше. Садятся к столу родители (и большие деды), садятся взрослые дети, но зовут и малых пригубить зелья. Так однажды в Сибири, под Тулуном, я встретил 'воровскую' деревню - там воровали все - от мала до велика (я описал это в книге «Старые колодцы», История одного колхоза, издательство «Советский писатель», 1992 год). При этом в воровской деревне не подводились итоги социалистического соревнования, ибо деревня была брошена советской властью на произвол судьбы, в глуши лесов, за ненадобностью. А в Иннокентьевке и в колхозе «Приамурский пограничник» до недавнего вершили итоги соцсоревнования по всей простыни, по всем показателям, с вручением красных выпелов бригадам и звеньям. Колхоз добирался до терпимых показателей в полеводстве и в животноводстве. Знаю, читателю скучны эти показатели, они напоминают ему производственные романы со сталинскими рекордсменами и хлебобобовыми-передовиками. Но я все равно приведу некоторую цифирь: в 1976-1980 годах в колхозе надавали от одной фуражной коровы 2020 литров молока в год (против 1400 ныне), валовой сбор сои достигал почти 13 тысяч тонн (а в минувшем году он опустился к 1118 кг), картофеля брали 362 тонны (а только что взяли 6 тонн, неурожайный год оказался, но не до такой же степени, чтобы ничего не собрать).

Поголовье свиней снизилось в три раза и т. д. Цифры эти должны сопоставляться с показателями частных подворий (как в Пояркове - помните? - в десять раз возросло поголовье скота на частных дворах), но в Иннокентьевке нам не дали совокупных данных по селу, сказав, что они уступают колхозным все по той же, якобы, причине - падения нравственности, лености и т. п. На фоне села, как бы невзначай сберегшего благостный внешний облик, падению нравственности не хотелось верить. Но глядя в тихую в жизнь деревню, я то тут, то там стал замечать роковые следы распада. Сбита голова статуи возле правления колхоза. Рядом с «Русским сонетом» и на томах Максима Горького в сельской библиотеке стоит ведро - уже год дожидает в пробитую крышу. За околлицей поваленные телеграфные столбы - оказывается, пьяные не совладали за рулем автомобиля и срезали столбы, некоторые поплавились жизнью. Или вот махонькая деталь - у хоздворов, посреди села, заполошно орет с утра до ночи репродуктор со столба (вот его-то

милует судьба и пьяные шоферы берегут оралку). Селяне сидят молча, часами, ибо переключить репродуктор невозможно. Помню, в послевоенные годы так же на весь Урейск (т. е. Свободный) кричала тарелка репродуктора, и все молчали...

Повсюду апатия, везде - пустячные, но серьезные признаки равнодушия, пустотности, никчемности. Повсюду нежелание событийности: почти гончаровская Обломовка, но с существенной разностью - все сидят пьяные кие, келье от ханшина или от самогона.

Пошел по домам. У Гречкиных лежит на кровати хворая пожилая женщина. «Медицинскую сестру вызывали?» - «Нет». - «Что с Вами?» - «Ноги отнимаются». - «Да как же, ноги не ходят, а Вы?..» - «Пью я», - был печальный ответ. - «Что же пьете?» - «Китайскую».

Пьющее село, пьющие семьи. Но обратимся к непьющим, это и проще, их всего-то пятнадцать на селе. Вера Константиновна Жукова, 74 лет: «Да с кого тут спрашивать? Коммунистов не осталось. Я давно в коммуне была, порядок строгий, в колхозе тоже строжились. Тяга у меня поступил в партию, призовут его на закрытое собрание, приходит молча: «Седня ночью возьмут пятерых», - точно, утром узнаем, взяли. Порядок то и был. Казаков семьями брали в колхозную землю. А после стали попускать, попускать. Коммунисты стали сами патоку колхозную возить, самогон варить, потек ручейком. На закрытые собрания партийцев уж не звали, вот тебе результат».

У Жуковой пенсия в 15 тысяч рублей. Раньше зарплата ее составляла 52 рубля. Но лучше 52 рубля, чем 15 тысяч, - говорит старуха.

По отзывам, самый положительный в селе Коков Николай Михайлович. Я и говорю Кокову: «Ищу трезвых, говорят, Вы совсем не пьете». - «В праздники рюмку поднимую». - «Много ли праздников?» - «Майские, - отвечает. - Новый год. Ноябрьские». - «И все?» - «Все».

Кокову сорок пять лет, стало быть, времени на искушения было достаточно, но он преодолел искушения, дом у него и двор прекрасны, в цветах.

- Дорогой Николай Михайлович, скажите, думали ли Вы о том, почему пьют на селе?

- Думал. Нет идеалов, - сказал со вздохом Коков будто по писаному. - Ни в деревне, ни в городе, да и наверху, похоже, святого не осталось.

Давно в России можно было слышать об одиночестве пьяниц, их избегали, от них сторонились, и пьяницам оставалось «Трали-вали» (в рассказе Юрия Казакова припомните одинокую душу пьянчуги, не лишнего, впрочем, поэзии). Но теперь вот о чем признался трезвый Коков - посреди нетрезвых жить одиноко трезвому. Воистину приехала Россия.

Но про себя я подумал который раз: «Да где же церковь наша? Последняя опора и надежда». - А церковь в Иннокентьевке (та самая, 1862 года) стояла на месте, где теперь сельсовет. По всему берегу так - где церковь стояла, там мостили сельсоветы либо клубы. Вон в Калинин клуб - мавзолей, мрачный и пустой даже в праздники, стоит на месте церкви, которая никогда не пустовала. А в моей родовой станице Албазинской райкомовцы не придумали ничего другого, как поставить клуб на костях первопоселенцев-героев. Откуда тянется нравственное растение, хотя сейчас коммунисты, поднимая голову, лгут и доказывают иное.

- Из русских в Иннокентьевке нашелся-таки один, кто сказал, что надо вернуть народ в лоно православной церкви, и только тогда начнется освобождение от скверны. Этим человеком оказалась Наталья Гринь, родом со Ставропольщины, кубанская казачка. Наталья Михайловна окончила сельскохозяйственный институт, зоотехник, прибыла на Дальний Восток по распределению.

Теперь на эту женщину повесили невиданный хомут - она возглавляет сельскую администрацию. Наталья Гринь начитанна, мужеумна, крута норовом. Но, похоже, никто не слышит эту удивительную женщину, разве домашние.

И еще один голос - армянина Станислава Татевосяна - мы услышали в пользу строительства церкви. Но голос глухой и безнадежный: «От стаканов с вином мужиков не поднять. Им все не в лыко. Умеешь обувь латать - подозрительно. Сыр домашний делаю - подозрительно. Переключусь - совсем подозрительно»...

Так оползает русский берег в никуда. Получается, что я собрался уморить читателя страшными подробностями безытийного быта. Но я взял на себя обязанность говорить правду. Слушайте дальше, неслабо-нервные. Вот записи из «Журнала регистрации рассмотренных дел». Административной комиссией сельсовета:

1. Родители вызваны в связи с пьянкой несовершеннолетних детей на квартире Ложкиной П. Штраф.
2. На квартире Бавовой дети раздобыли и пили брагу. Штраф.
3. Пьянка в магазине СПТУ.
4. Драка малолетних в пьяном виде. Штраф.
5. Не зарегистрировано оружие. Штраф.
6. Нарушены правила торговли вином в селе Красный Луч.
7. Сквернословие в клубе. Штраф.
8. Разбил окна в ДК.
9. Беспорядок у дворов.
10. Антисанитарное состояние квартир (10 хозяев).
11. Хулиганство в клубе.
12. Хулиганство на квартире.
13. Сорняки на усадьбе (ползут к соседям), запчасти у дома - вразброс, уголь - вразброс.
14. Мойка сельхозтехники на цветущей поляне в центре села.
15. Потрава огородов.
16. Беспорядочное содержание свиней, разное чумы (20 семей).
17. Выбросили павших свиней в самом селе.
18. Украл верховое седло из сельсовета.
19. Пьянка на территории войсковой части.
20. К соседу на огород выгреб кучи мусора.
21. Заготовка дров без порубочного билета.
22. Разбил окна в ДК.
23. Продажа водочных изделий без документов.

И т. д.

Теперь, когда на экранах телевизоров появляются благостные лица священников и одобряют грандиозное строительство храма Христа Спасителя в столице, я думаю всякий раз: лучше бы Вы, отец, благословили строительство крохотных церквушек по русским селам. Неужели Вы не видите, какими темпами идет деградация народа.

Доколе ждать нам твердой позиции иерархов? Доколе ждать нам помощи (не материальной - моральной) от главы государства? Доколе на местах губернаторы будут играть в политические игры и не облачатся в посконное?..

Скорбный список грехов на русском берегу перечитываю я и все вопрошаю: доколе?

Наталья Гринь ответила на мое «доколе»: «Пока не придет к власти человек столыпинской ответственности, пока не придет упорный государственный».

Оказалось, женщина эта вынуждена была искать историческую правду и отыскала ее в убиенном Петре Аркадьевиче Столыпине. Позже и ближе не отыскалось. Она же сказала нам: демократические новации придется ввести в русло державной, сильной, патриотической линии. Совместимо ли? Совместимо, если любить родину, а не кошелек.

И надо оттуда, из Москвы, возвысить голос в поддержку тех, кто

настроен сам обустроить себя и свой дом. Пьяницы не только исподволь, но и открыто гадят тем, кто ставит дома, разводит скот, работает не покладая рук. Растут угрозы в адрес трезвых.

Но если в Иннокентьевке инициативу держит в руках железная женщина, то в Сагибове мы застали картину беспросветную. Село лежало вповалку. Бедные малые детишки ходили по заросшей улице в мокрых и обделанных штанишках, мамы их были в невменяемом состоянии. Скоро на встречу нам вышли молодцы с расквашенными в кровь лицами, в разорванных до пупа рубашках. Ужаснувшись, я сказал своим: «Надо бежать. Вернемся на борт. Завтра попытаемся узнать причину всеобщей пьянки», - но молодцы перегородили дорогу, требуя откупной: водки или денег. Началось затажное бессмысленное объяснение: мы идем-де с экспедицией, у нас нет ни денег, ни водки. «Ну, чаю дай!» - взревел ражий парень с оторванным ухом, чифирист, видимо.

Кое-как мы выпутались из липких от крови и рвоты рук и бежали на корабль, впервые ощутив положительное значение колючей проволоки, куда пьяные не могли прорваться.

Вскоре явившийся офицер-пограничник объяснил гомерическую попойку. Оказывается, сагибовцам обещано было празднование некруглой даты основания станицы, якобы 135-летие, но сейчас я поднял «Географический словарь» А. Кириллова и догадка моя подтвердилась: ст. Сагибовской исполнилось 133 года в то лето. Значит, председатель сельсовета или обманул сагибовцев, или сам толком не знает даты основания станицы. Но надо было сыскать предлог для пьянки - предлог выдумали. Самого Андрея Адаменко мы не застали, в подпитии его увезли в Касаткино, центральную усадьбу. Но черное дело он сделал. Здесь мы впервые узнали, что сельские спаивают пограничников, ловят их, когда те идут в увольнительную и вынуждают принять...

На борту «Палтуса» мы принялись готовить ужин, радуясь избавлению от сатанинских обрядов. При свете электрической лампы я пытался читать книгу о Фолкнере: мне подсушили ее в Благовещенске, и я раскрыл книгу. Но при всем моем почтительном отношении к американскому писателю, читать о нем я не

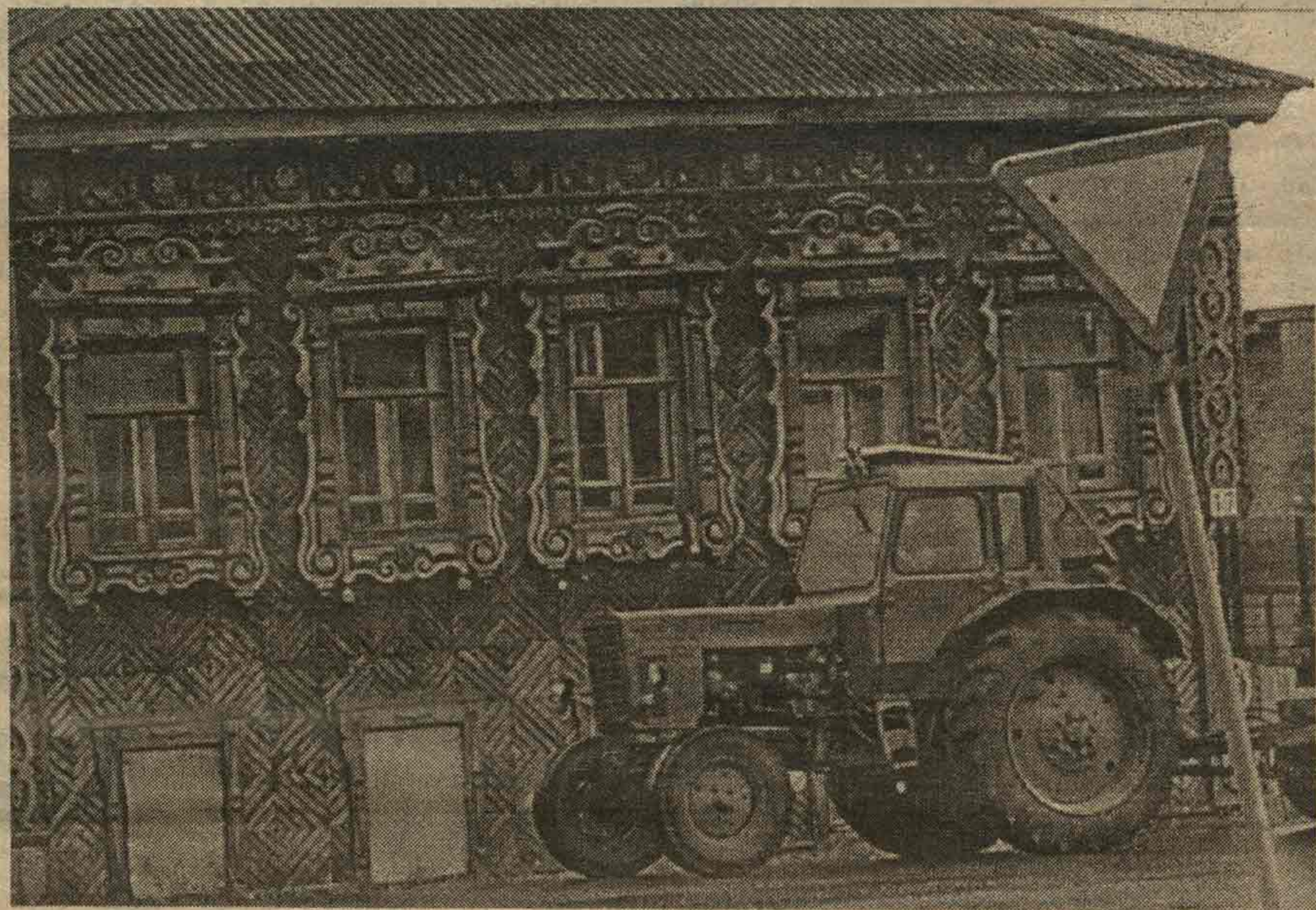
смог. Глаза застыла страшная сцена увиденного на берегу.

Я услышал стукоток мотора. Капитан с механиком спустили на воду моторную лодку и помчались ставить сети, авось к утру будет уха. Я вышел на верхнюю палубу. Из Цзяна, китайского городка, доносились мелодичные звуки, Цзян осветился фонарями, ожила набережная. Но цзяновские мелодии перебивались бранными, неандертальскими звуками, доносившимися из Сагибова. День умирал, Амур катил желтую волну. Неожиданно примчались наши рыбаки и говорят: только что вынесли сражение с китайскими браконьерами. Китайцы просчитали правильно - в Сагибове загул, значит, можно выметать сети под русским берегом. Выметали, привязались к сетям, стали ждать ночи и улова. И тут неожиданно выскочили на них Сергей и Федор Иванович. Отступить было нельзя. Федор вооружился веслом, а Сергей умело маневрировал лодкой. Китайцы не выдержали драки, отрезались от сетей и бежали.

Нашего механика больше всего возмутило в этой истории то, что с погранвышки баталью наблюдал русский солдат и не поднял тревоги...

Ну, вот здесь я хочу закончить мой длинный рассказ о путешествии по Амуру. Кажется, я нигде не наговорил громких слов и не наобещал читателю благостных картин в близком будущем. Я вижу, куда мы покатались. Но я уверен, что мы спасем себя сами. Но только бы не потерять веры в самих себя. Вы верите в себя? Я в себя верю. Я верю в моих близких, в моих сыновей. Я верю в Россию, в молодежь. Вот и вы верьте в молодое поколение. С нашей помощью оно исправит гибельный поворот событий...

А на прощанье всмотритесь в лица иннокентьевских и сагибовских казаков времен Первой мировой войны. Такими они были в жизни - чуть фасонистые, себе на уме, но по лицам, по стати видно - яркие труженики, знавшие когда можно гульнуть, а когда постыться, все они - вот эти, на старых фото - погибли не на войне, а в мирные годы. Их арестовали коммунисты в коллективизацию и позже, увезли на Колыму. Эти ребята умели оберегать себя, семью, государство от разлома и распада - и удар пришелся по ним...

Через сутки мы попрощались с капитаном «Палтуса» и с механиком; автомобилем мы вернулись в Благовещенск. Лето шло на закат, но все еще царствовало жара.

Здесь я рассказал с Виктором Безотосным, ученым Государственного исторического музея России. Дай Бог, когда-нибудь свидимся с ним.

В редакции «Амурской газеты» мы устроили скромные посиделки, куда позвали владельца «Палтуса». Вечером того рокового дня милиция взяла нашего эколога, вывезла за город и страшно избила, до полусмерти. Я ничего не ведал, ибо ушел на ночь к капитану Владимиру Михайловичу Шаткову (только что в фильме «Возвращение», о Солженицине, Шатков говорит о том, что Приамурье в тисках коммунистов и гэбистов. Это так. И это они устроили казнь нашему экологу, видимо, хотели запугать меня).

Моем дневниковым записям подходит конец. Читатель должен промыслить, дождется ли он дальнейшей, собранной из написанных глав. Я-то сам думаю: книга моя не нужна ни России, ни малой родине моей - Приамурью. В ней слишком много горечи. А горькое мы не любим.

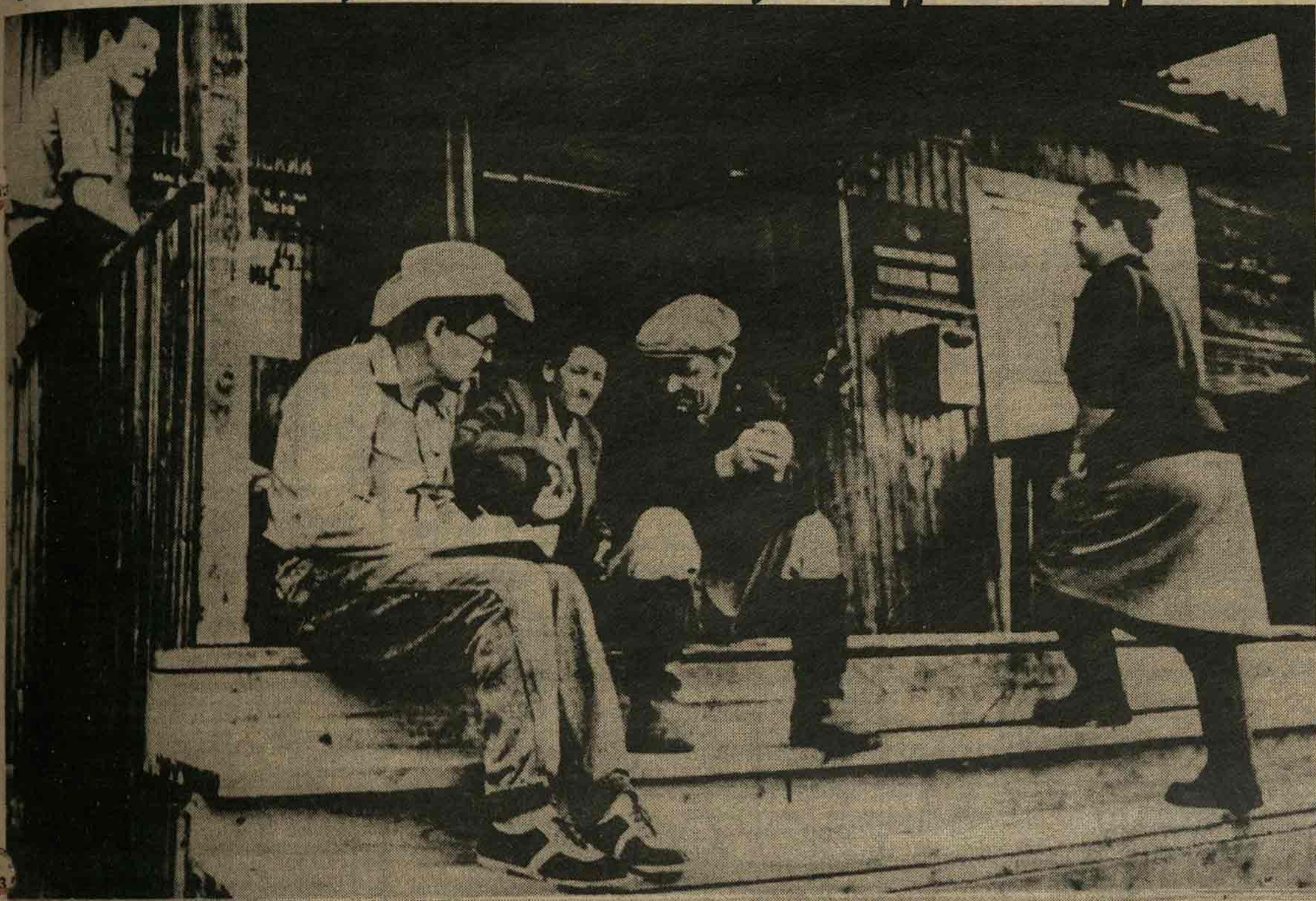
(ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ).

► Борис ЧЕРНЫХ

РУССКИЙ БЕРЕГ

Из путевых тетрадей. Публикация двенадцатая

Будем ли преобразованием казаксемба?

Тот, кто внимательно следил за публикациями «Русского берега», не упрекнет меня, что черное возобладало в путевых записках. Нашим предшественникам, начиная с С. Максимова, П. Кропоткина, Г. Грум-Гржимайло, Н. Гондапи, повезло больше, они плыли по Амуру во времена бурного освоения новых земель. Там, в их записках, тоже есть неустроенность, анархия, чиновничьи безобразия, но все равно общий итог семидесятилетнего предреволюционного периода впечатляет. Движение шло по восходящей, его не сдержали ни русско-японская война, ни первая мировая.

С 1922 года протек еще один период, по протяженности сопоставимый с первым. Начался он с гражданской войны. А 14 февраля 1922 года «Известия» подвели итог: «Волочаевская эпопея (штурм и взятие сильного укрепления в районе станции Волочаевка под Хабаровском. - Б. Ч.) показала всему миру, как умеют драться люди, желающие быть свободными».

«Желающие быть свободными» - ключевая формула. От 1848 года (тогда капитан первого ранга Геннадий Невельский впервые прошел Амур) до 1928 - весь этот период объявлен никудышным, несвободным, рабским. Ибо предки наши на великой русской реке жили, оказывается, в положении крепостных. Мало того, «Известиями» обещаны невиданные блага наперед; не просто обещаны - постулированы, высочайше утверждены на последующие времена... И вот мы обязаны были разоб-

раться, состоялась ли, воплотилась ли ожидаемая свобода на Амуре в явь. И что это за свобода в качественном (духовном и духовно-материальном) измерении. Если эти семьдесят советских лет есть воплощенное добро, мы призваны сказать это публично и прямо. Будучи руководителем Амурской экспедиции, я избрал другой путь - неторопливо прописывал реалии эпохи, срывался подчас на эмоциональный вскрик, но предпочитал передать читателю самому судить и рядить. Теперь, перечитав опубликованное, я ужаснулся - оказалось, правда исподволь просочилась, и по всему русскому берегу нет ни одной станицы, где не погибли бы насильственной смертью ни в чем не повинные люди, погибли не на войне, а дома, будучи взяты красными в мирные годы. Десятки, сотни репрессиро-

ванных лучших, добросовестных тружеников и примерных мужей, отцов. Добавьте сюда тех, кто бежал из прибрежных станиц - одни за кордон, другие в далекие и ближние города (но и там их доставала рука карателей). А кто-то молча захлебнулся в зловонной атмосфере 30-50 годов. Но когда прямые государственные репрессии схлынули, наши станицы постиг удар нежданной - власть начала борьбу с «неперспективными» селами. К сожалению, я только фиксировал, где стояли ранее цветущие станицы, а теперь - пустыри. Неужто все удары неми-

лосердного государства приходились по врагам? Да если это и так - по врагам, разве сам факт существования стольких врагов не есть приговор режиму, который сам себя подточил?..

И сопоставьте репрессии советских времен с досоветскими. Там тоже были недовольные укладом, властью или казачьими командирами. Некоторые не повиновались церковным установлениям и не соблюдали обряды (я нашел в архивах документы - доносы на казаков, не выполнявших обряды). Да что далеко ходить. Мой дед Дмитрий совсем не ходил в церковь, а молился дома, помните по какой причине - во время исповеди батюшка имел жадность попросить у Дмитрия оставленную под пары заимку. Дмитрий укоризненно посмотрел на батюшку, ушел и больше никогда не ходил в храм, пока батюшку не перевели в новое место. Я думаю, атаман донес и на моего деда. Но дед Дмитрий жил не тужил, пока не пришли красные. Лишь единицы за семьдесят лет при царе на русском берегу ушли в тюрьму, и то совершив тяжкое преступление. Повторяю, за десятилетия - единицы.

Но, полагаю, корректнее сопоставить не эти жуткие факты, а способы хозяйствования. Сопоставить и сказать: там, при царе, они не владели землей, не владели домами, скотом, сельхозмашинами. Они там жили в темноте, угарно, непесенно, под урядницкой или есауловой плеткой. Бессловесные скоты... - вот ведь, уже мало кто верит в такие сказки (а еще совсем недавно верили в подобные басни).

Я поднял статистические выкладки и с цифрами в руках убедился,

что при коммунистах (до 1985 года!) количество потребляемого спиртного возросло в десять раз на человека по сравнению с доколхозными временами. Отчего свихнулся народ? В одночасье стал плох? Да нет. У народа отняли землю, отняли скот, отняли сельхозтехнику, у него не стало домов на заимке. Страшнее того, ему запретили грешить, ему вменили новую религию - оптимизм. Нынешние защитники брежневских «благ» только и упрекают нас в свободе зла быть злом, а значит, и свободе добра быть свободой в борьбе против зла. Вопрос не так мудрен, как кажется. Зло, нравственно осуждаемое и преследуемое по закону там, где оно переходит опасную грань, должно наличествовать в обществе хотя бы потому, чтобы не стать подпольным и неуловимым. Но советская власть и тут запуталась. Она не хочет читать давно открытое русскими философами: «Отрицание свободы зла делает добро принудительным», а большевики именно этого и добивались - принудительности добра. Результат получился обратный ожидаемому и жутким.

Итак, есть ли надежда на исцеление русского берега? Есть надежда. Чтобы она стала реальной, надобно злу дать понять, что ценности добра предпочтительнее. Практически я представляю это просто: не следует тянуть с решением вопроса и вернуть Амуру статус казачьей реки. Однородное русское население, статичное и малоподвижное, скоро привыкнет к простому, здоровому укладу и поймет огромные выгоды для

обстоятельств; и главное здесь - выбор большинства. Большинство быстро склонится к общинному знамени.

Но оно устало ждать этого решения власти. Но никакой иной уклад, кроме проверенного казачьего (а он именно проверен), не сумеет оздоровить русский берег. Ни власть чистогана, ни власть диктатора не спасут народ на Амуре, они лишь усугубят гибель.

Но возвращение к статусу казачьей реки должно сопровождаться другими сопутствующими обстоятельствами. Коренное - надо восстановить по всему берегу бесконную церковную службу. Штатные реформаторы-атеисты (включая коммунистов) больше всего боятся, что когда народ, отвернувшись от бездны и раскусив личины новых вождей, обратится к твердым основам, - тут-то и придет конец антирусским силам и новоявленным самозванцам. Пусть боятся. На смену им придут истинные вожди, в простых рубахах, с обветренными лицами, с грубыми голосами, но с отзывчивыми сердцами. И церковь в очередной раз спасет русский берег. Когда батюшки начнут крестить и венчать, отпевать и вести праздничные службы, скоро, поколение спустя, мы увидим преобразование русского берега.

1993-1994 гг.

Вот кто способствовал проведению Амурской экспедиции 1993 года:

Редакция журнала «Родина» (Москва),

Редакция «Амурской газеты» (Благовещенск),

Институт истории Российской Академии наук (Москва),

Амурский областной краеведческий музей (Благовещенск).

И персонально:

Анатолий Белоногов, председатель Амурского областного Совета,

Анатолий Коломицын, амурский предприниматель,

Глеб Павловский, публицист, политический деятель (Москва),

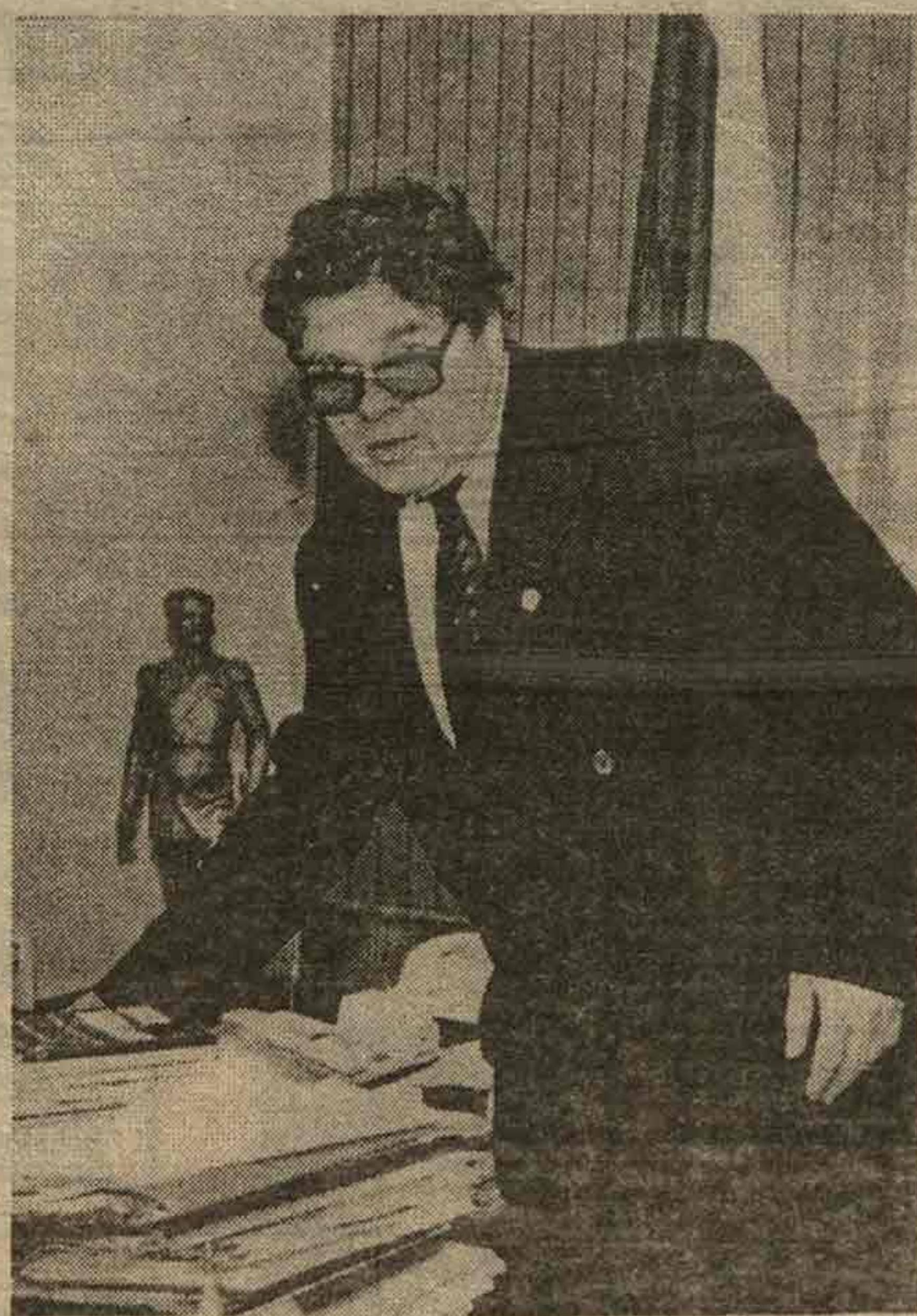
Виктор Грибанов, приискатель (пос. Токур Амурской области),

Александр Ожгибесов, полковник, начальник Благовещенского пограничного отряда.

Мы пользовались покровительством глав администраций на местах по всему побережью, за редким исключением, энтузиастов, учителей, хозяйственников. Сообщения и материалы об экспедиции были опубликованы в «Известиях», в журналах «Родина» и «Посев», оглашены по российскому радио и амурскому.

Всем, причастным к благополучному завершению похода, я говорю сердечное спасибо от себя лично и от участников экспедиции.

Руководитель Амурской экспедиции Борис ЧЕРНЫХ.

себя и детей (дети-то будут оставаться дома!). Говорят, на Дону теперь все перемешалось, и трудно резать по живому. Боюсь, это отговорки полурусских интеллигентов...

На Амуре не придется резать. Хотя отчаянным пьяницам и тунеядцам придется оставить питье и безделье под гнетом невыгодных